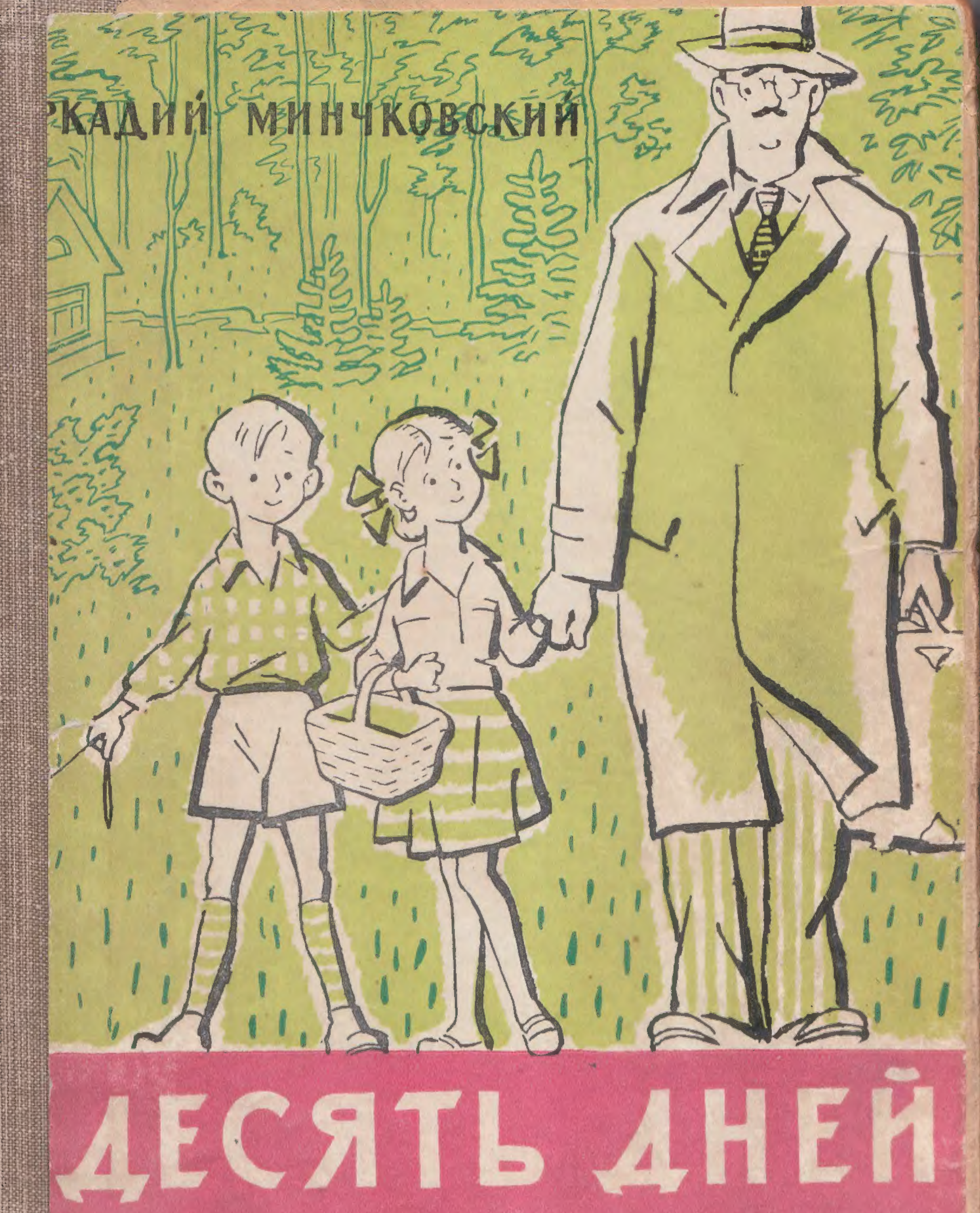

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ОДНИ ВТРОЕМ

АРКАДИЙ МИНЧКОВСКИЙ
ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ОДНИ ВТРОЕМ
(РАССКАЗ ОДНОЙ ДЕВОЧКИ)
ЛЕНИЗДАТ 1961

Моим дочкам
Ирине и Марине
и их маме

Художник Б. Ф. Семенов

ПРО ВСЕХ НАС, БУМА И КУРНАВУ

Вы, конечно, видели наш дом? На Петроградской стороне, недалеко от площади Льва Толстого. Он стоит как гранитная стена, в которой пробили окна и двери. В этом доме мы с Валенкой и живем всю нашу жизнь. Валенка — мой брат, а я его сестра. Дома меня зовут Шуриком. Мы близнецы и родились в один день. Все говорят — хорошо, что я родилась девочкой, а он мальчиком, а то бы нас только путали. Но я старше Валенки, хотя он меня старшей сестрой не признаёт. Ну и пусть! Я с ним не спорю. Потому что, во-первых, всё равно знаю, что старше на десять минут, а во-вторых, — спорить с нашим Валенкой!.. Дальше сами узнаете.

В нашем доме живет столько детей, что, стой он в пустыне, рядом пришлось бы строить школу, и ребят хватило бы на все классы и еще бы на детский сад осталось.

А двора — только подумайте! — в нашем доме совсем нет! То есть, конечно, есть двор, но такой, что хоть плачь. Ни деревца в нем, ни клумбочки. Даже дрова, за которые можно прятаться, и то в нашем дворе не лежат. Асфальт да стены — вот и всё.

Когда наступает весна и в окна верхнего этажа проникает солнце, а в квадратике неба, как в цветном кино, плывут веселые облачка, ребята только и думают о том,

куда они поедут. Кто собирается в пионерлагеря, кто в деревню, а кто — на дачу.

Мы каждый год ездим на дачу. Мы — это, во-первых, мама и папа, во-вторых, мы сами с Валенкой, и еще Бум и Курна́ва.

Бум — это наш верный пес. Так его называет мама. Сколько ему лет, не знает никто. Когда его привели к нам, он был маленький и вертлявый, и все решили, что это щенок. Но прошел год, за ним второй и третий, а наш Бум и на сантиметр не вырос. Весь он в очень длинных волосах, рыжих, серых и даже серебряных. Они ему закрывают глаза, а с морды свисают усами и бородой, и потому он похож на старенького старичка. Какой Бум породы, тоже никому не известно. Один раз на улице сказали, что он английский террьер. Бум этим очень возгордился и завилял хвостом. Но хвост-то его и подвел. Тут же решили, что он вряд ли породистый, потому что хвост у него совсем дворняжий — крючком вверх.

Курнава — кошка. Не подумайте, что это какое-нибудь индейское имя. Нет. Дело в том, что сперва нашу кошку звали Тимофеем, но потом, когда у Тимофея появились котята, пришлось придумывать новое имя, а, пока думали, кошка ходила по квартире и созывала своих котят: «Кур-на-у!.. кур-на-у...» Вот я и стала ее называть Курнава, и все к этому имени привыкли, и сама Курнава тоже.

С Бумом Курнава живет мирно. Зимой они даже вместе спят у парового отопления. Правда, бывает так, что Бум вдруг огрызнется на Курнаву, но та его не боится и так ловко умеет дать лапой по носу, что Бум предпочитает с ней не связываться.

Вот и вся компания, которая собирается на дачу.

СОБИРАЕМСЯ И ЕДЕМ

В этом году мы с Валенкой перешли в четвертый класс, и папа пообещал подарить нам подростковый велосипед. Мы, конечно, радовались, но, когда дело дошло до покупки, заспорили. Мне хотелось, чтобы купили «Ласточку», а Валенка ни за что не соглашался и требовал «Орленка».

— Велосипед на двоих, — говорю я.

— А я на девчоночий и садиться не стану! — кричит в ответ Валенка. — Раз на двоих, значит, пусть «Орленок»!

Папа не знал, что ему делать. Он посмотрел на нас поверх своих очков-лодочек и сказал:

— По идее велосипед, действительно, на двоих. Но приходится признать, что Шурик имеет некоторые преимущества. У нее нет ни одной тройки, а у тебя, друг, две.

— Подумаешь, по пению... — пожал плечами Валенка.

— А по письменному? — напомнила ему я.

В другой раз Валенка за это стукнул бы меня, но сейчас было рискованно.

— Всё равно не сяду на «Ласточку»,— продолжал он.— Хоть зарежьте, не сяду!

— Твое дело, — сказал папа.

— Не сяду, не сяду... — повторял Валенка, показывая мне язык. Но я-то знала, что он сейчас вовсю разревется. Тогда в дело вмешалась наша мама.

— Если Шурик согласится, — сказала она, — то можно купить и «Орленка». Но Валенка должен обещать, что на будущий год станет лучше учиться.

Мама посмотрела на меня, как бы спрашивая, что я скажу. Ну, что мне было делать с этим упрямым спорщиком?! И мама меня поняла.

— Ну, так обещаешь? — спросила она.

— Бу, — буркнул Валенка, что должно было означать «да», и так кивнул головой, что можно было подумать — теперь запоет лучше всех в классе.

Нам купили «Орленка». Он был такой красивый, весь красный и блестящий, а разные фонарики, звонки и сигналы так и сияли на раме. И я больше не жалела о «Ласточке».

На другой день «Орленка» вместе со всеми другими вещами, которые были нужны на даче, погрузили на грузотакси. Знаете, такое с шахматными клеточками на дверцах? Бума я взяла на поводок, а Курнаву посадили в корзину, из которой ей ничего не было видно. И мы поехали.

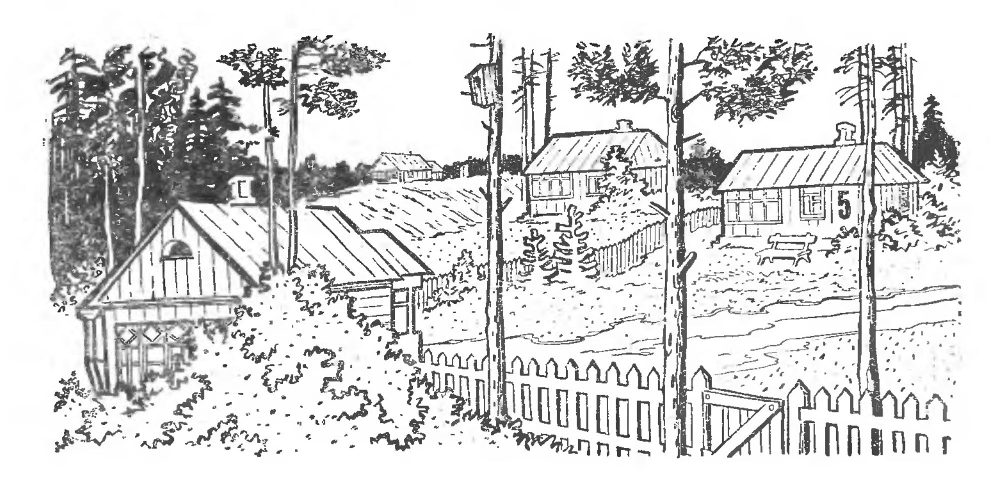
Конечно, и я, и Валенка ехали в кузове. Какой нам интерес сидеть в кабине? То ли дело наверху. Смотри вокруг сколько хочешь. И кого мы обгоняем, видим, и кто впереди, и по сторонам, и кто сзади тащится...

Папа тоже был с нами в кузове. Он сидел верхом на стуле. Когда машину подкидывало на булыжной мостовой, подпрыгивал и папа на стуле, и нам казалось, что он едет не на машине, а скачет верхом на коне, хотя в плаще и шляпе он совсем не был похож на всадника. Бум высовывал мохнатую голову над кабиной и, пугая своим видом людей, лаял на всё, что попадалось навстречу. Из корзины жалобно попискивала Курнава. Наверно, она спрашивала, долго ли ее еще там будут держать.

ДОМИК № 5 И БАБА НИКА

Наша дача называется стандартным домиком. Таких домиков в Сосновой роще, где мы живем летом, несколько штук. Все они одинаковые, и все похожи на большие кубики, разбросанные по лужайкам. В свое время кубики, наверное, забыли покрасить, но к каждому с двух сторон прилепили решетчатые веранды, а на стенах масляной краской нарисовали такие огромные номера, что их можно рассмотреть с самолета.

Домик-кубик № 5, который стоит недалеко от забора, —

наш. У нас комната и веранда и еще кухонька величиной с трамвайную площадку. Это половина домика, а другую половину занимает папин знакомый Борис Борисович, который с ним вместе работает в институте. Но Борис Борисович приезжает на дачу только по воскресеньям, да и то редко, а всегда на той половине домика живет бабушка Вероника Аристарховна с маленькой внучкой Маргариткой. Маргаритка называет свою бабушку «баба Ника», и мы все ее тоже так называем, потому что уж очень долго говорить: «Вероника Аристарховна», да еще если по многу раз в день...

Когда баба Ника появляется на даче, то перед нею робеет даже сердитая комендантша, которая вообще-то никого не боится и, если приезжие чем-нибудь недовольны, говорит: «Скажите пожалуйста... Вот пожили бы тут, как я, зимой, тогда бы узнали...»

Перед бабой Никой она помалкивает. Как только та приедет, комендантша торопится — снимает щиты с окон, а баба Ника тем временем неторопливо обходит домик вокруг, заглядывает внутрь в окна и с таким строгим видом покачивает головой, что, кажется, сейчас же сядет в машину и уедет обратно в город.

Но ничего подобного не случается, и скоро возле дверей веранды бабыникиной половины уже вырастает гора вещей, немногим ниже самого домика.

И чего только не возит с собой на дачу баба Ника! Тут и разные складные и не складные стулья, и взрослые и детские, и шезлонг, и гамак, и качели! Тут корыто и стиральная доска, и еще доска с ножками для глаженья, и деревянный валёк с каталкой, какие я только на картинках и видела. Тут и ванночка, и таз, чтобы купать Маргаритку, и ковшик, чтобы ее обливать, и термометр в деревяшке, чтобы ее не простудить. Не забудет баба Ника и уличного термометра. А всяких разных кастрюль, сковородок, плошек, мисок, горшков — не сосчитать. Есть и бочонок, и кадушка, чтобы насолить грибов, если выпадает грибное лето, и тазик, и банки для варенья, если будут дешевые ягоды. Потом еще, наверное, сто штук толстеньких, как поросята, мешочков, на которых чернильным карандашом написано: «Рис», «Манка», «Толокно», «Греча» и еще многое другое. Везет баба Ника с собой и швейную машину, и разные метлы, швабры, обметалки. Не забудет она прихватить из города и штук пять лампочек, — вдруг они начнут перегорать. Есть и керосиновая лампа, — если потухнет электричество, и целая пачка длиннющих свечей, — на случай, если вдруг сломается лампа... В общем, пожалуй, не хватит тетради, чтобы перечислить всё, что считает нужным захватить на дачу баба Ника.

Наш папа говорит, что шестеро отважных мореплавателей на плоту «Кон-Тики» не знали, что в Ленинграде живет такая баба Ника, а то бы они ее обязательно взяли с собой и назначили своим завхозом.

Ну вот, так и этим летом. Приехала на грузовике баба Ника, вышла из кабины и очень недовольно посмотрела сперва на комендантшу, а потом на дачу. А папин знакомый Борис Борисович и шофёр тем временем уже складывали возле дверей гору тюков, мебели и всякой другой всячины.

«ТАК ИЛИ ИНАЧЕ — ЖИВЕМ МЫ НА ДАЧЕ»

Так говорит папа, когда мы уже расположимся на своей половине и напьемся чаю. Утром — мы еще не успеваем проснуться — он уезжает, а мы с мамой остаемся жить на всё лето.

И на этот раз всё было по-обычному. И ребята все старые знакомые. Во-первых, Борька Скутальковский, которому в этом году исполнилось тринадцать лет. Он очень вытянулся и поэтому заважничал и заявил, что кроме волейбола и пинг-понга ни во что играть не станет. Во-вторых, моя лучшая летняя подруга Танечка Чашкина. Ей, как и мне, теперь стало десять лет, но она за год нисколько не выросла, и мы с Валенкой обогнали ее ростом. В-третьих, Нолька. Фамилию его я забыла, — да у него она такая, что не запомнить. Он крикун, задира и главный Валенкин компаньон во всяких штуках и выдумках. В-четвертых, еще две сестренки, побольше — Лина и поменьше — Зина Чики. Я уж не знаю, откуда у них взялась такая маленькая фамилия, но так и есть. Чик — и всё. Девочки они такие же, как все другие, только Линка очень хитрая и всегда, когда во что-нибудь играем, обязательно уговаривает играть в другое, и потому Валенка ее не может терпеть. У них с Валенкой вечно доходит до спора, а с Нолькой — до крика. и

бывает, что и до драки. Ну, в общем, все собрались свои, и всё должно быть хорошо, как всегда.

Но появились у нас в этом году на даче и новости.

За этот год по соседству с нашей территорией вырос очень большой двухэтажный дом из желтых, еще не крашенных бревен. Прошлым летом тут стучали топорами плотники, а теперь это дача, со всех сторон облепленная верандами и балконами. Она поднимается над нашими домиками-кубиками, будто высотное здание.

Хотя этот дом такой огромный, что собери вместе все наши и то этакий не получится, у него один хозяин. Наверное, это очень добрый человек, потому что во все свои комнаты и балкончики он пустил дачников, а сам живет в сарайчике, сколоченном из досок, в углу двора.

С утра до вечера во дворе желтой дачи скрипит колодец, плачут и визжат маленькие дети и без умолку кричат их матери.

ЛЮСИК, ЕГО МАМА И БАБУШКА

В этом новом желтом доме, который еще попахивал лесом, поселился Люсик с мамой и бабушкой. Так звали мальчика с толстыми прямыми ногами и головой как розовый шарик, на котором нарисовали глазки и губки. Ходил Люсик на своих толстых, едва сгибающихся ногах очень медленно и ни на кого никакого внимания не обращал. Правда, Люсику и обращать внимание на что-нибудь было некогда, потому что его мама и бабушка только и были заняты тем, что целый день не спускали с Люсика глаз и беспрерывно о нем заботились, а Люсик восставал против этой заботы.

Начиналось с утра. Мама толстяка выходила во двор и почему-то оттуда его будила.

— Люсик, вставай! — кричала она. — Лю-сень-ка-а, вставай, детка!

Из дома никто не откликался.

— Лю-у-сик, встава-а-й... — напрягала свой голос мама. — Знаешь, сколько времени?

Но Люсика, видно, не интересовало время. Он и не думал вставать. Тут на помощь его маме являлась бабушка — маленькая, сухонькая старушка в очках, которая всегда что-нибудь молола или терла. Бабушка сходила со ступенек веранды и тоже подавала свой голос:

— Лю-с-и-ик, мама говорит, чтобы ты вставал. Ты слышишь, Люся?

Люсик по-прежнему и слышать ничего не хотел, и тогда мама и бабушка начинали петь двумя голосами:

— Вставай, Лю-у-ся-а, — тянула одна.

— Люси-и-к, мама велит вставать, — объясняла другая.

Но так как, наверное, на Люсика не подействовал бы и хор в сто голосов и ответа из дома не слышалось, мама толстяка теряла терпение и решительно направлялась в дом. Бабушка торопливо семенила за ней. Проходило немало времени, и наконец во дворе появлялся заспанный Люся с полосатой простыней на плече. Медленно, как только мог, он приближался к умывальнику и потом долго стоял возле него, почесываясь и ничего не делая.

— Люсик, ты моешься? — кричала из дома мама.

— Люсенька, мама ждет — мойся скорее! — помогала ей бабушка.

— А вот и не буду, — бурчал Люсик и продолжал не двигаться.

— Люся, ты станешь мыться?

— Нет, — тихо отвечал толстяк.

— Лю-у-сик, оладушки простынут, мойся, ради бога, — умоляла бабушка.

В конце концов Люсик сдавался. Он бурчал про себя: «То будят, то мойся, — жить не дают...» — и начинал нарочно как можно сильнее греметь умывальником.

После завтрака Люсик забирался в глубину дачного двора за сарай, где еще стояла не просохшая после дождей

лужа и, встав на свои круглые колени, пускал по луже голубую пластмассовую лодочку. При этом он так сильно дул на воду, что было страшно, как бы Люсик не лопнул. Но долго ему сидеть у лужи не давали. Скоро на ступеньках опять появлялась его мама.

— Люсик, я готова. Идем гулять, — звала она. — Люси-и-к, ты слышишь?

В окне показывалась бабушка со ступочкой в руках.

— Лю-у-сик, мама говорит, что ждет тебя, — переводила она.

Днем мама и бабушка кормили Люсика на веранде. Мы всегда знали, что́ у них на обед, потому что или мама громко требовала, чтобы Люсик доел до конца гущу борща, или бабушка упрашивала послушаться маму и съесть творожники. Люсик сперва мычал и не соглашался, а потом начинал реветь. Ревел Люсик басом с завываниями. Среди завываний слышалось: «а вот и не буду!», «не хочу!», «всё равно не стану!» Рев был таким громким и нескончаемым, что мама и бабушка наконец отставали от Люсика.

Но самое главное было вечером, когда Люсика начинали укладывать спать. Люсик должен был ложиться в девять часов. Люсина мама говорила, что иначе он нарушит режим и не поправится. Хотя куда было Люсику еще поправляться! Мяса и жира у него вполне хватило бы на трех мальчиков.

Сперва Люсика по-хорошему уговаривали идти спать. Люсик не шел. Потом бабушка почти плакала, усовещая его. Но и это не действовало на толстяка. Он не двигался с места. Тогда мама Люсика начинала грозить ему всякими наказаниями, какие только можно было придумать. Но Люсик, видно, не очень-то пугался, потому что по-прежнему стоял у забора и плевал через него на улицу.

— Люсик, ты станешь когда-нибудь человеком? — выходила из себя его мама.

— Не стану, — бурчал про себя Люсик.

Заканчивалось всё тем, что мама спускалась во двор и, поймав Люсика, волокла его в дом. Люсик упирался, старался зацепиться то за забор, то за дерево, а однажды нарочно свалил умывальник.

После криков мамы, жалобных упрашиваний бабушки и долгого вечернего воя на желтой даче наконец становилось тихо, и все соседи вздыхали. Люсик спал.

МЫ И ЛЮСЯ

Это было как раз в тот час, когда нужно было идти спать и нам с Валенкой. Раньше мы под разными предлогами хоть минуток на десять да оттянем время, а теперь чуть что мама говорит:

— Неужели вы хотите быть похожими на Люсика?

Вообще всё стало трудней. Начнет, например, Валенка за завтраком дуть губы и отворачиваться от геркулесовой каши — мама обязательно скажет:

— Посмотри на себя в зеркало. Ну совсем — Люсик.

Только донесется из желтой дачи рев — мама говорит:

— Очень похоже на вас, очень.

Спать нам теперь приходилось идти, как только нас крикнут с улицы. Есть, хоть давишься, а нужно было всё. Нельзя же, в самом деле, хоть чем-то походить на этого

толстяка. А тут еще приехал папа, послушал, как за забором мама и бабушка уговаривали Люсика, посмеялся и сказал:

— Ну, абсолютная карикатура на нашего Валенку. Как похоже!..

Валенка надулся:

— Ничего похожего нет.

— Чего же тут обижаться, — продолжал папа. — Посмотрите, как хорошо. По крайней мере все вокруг знают, что тут живет примечательный мальчик.

— Примечательный идиот, — буркнул Валенка.

Папа улыбнулся:

— Ну уж, будто он один такой упрямый...

В конце концов Валенке всё это надоело, и он сказал мне, что примет против Люсика меры. Однажды, когда толстяк из желтой дачи пускал за сараем свою лодочку, Валенка подошел к забору, подтянулся на нем и крикнул:

— Эй, иди сюда!

Люсик поднял голову:

— Что тебе, мальчик?

— Я не мальчик, а Валенка или Валена, иди сюда. Есть дело.

Соседский толстяк поднялся на ноги и неуверенно пошел к забору. В руках он держал свою лодочку.

— Тебя как зовут? — спросил Валенка.

— Люсик.

— А по-настоящему? Это ведь девчоночье имя.

Люсик пожал плечами:

— Это они меня так назвали.

— Кто?

— Мама и бабушка.

— А ты не откликайся. Тебя как по-настоящему?

— Леонид.

— Вот ты и скажи, что ты Леонид. В крайнем — Леня. И никаких Люсиков. Это у тебя что?

— Лодочка.

— Дай-ка сюда... Не лодочка, а шлюпка. К ней надо парус сделать или подвесной моторчик и пускать не тут, а в запруде возле плотины. Хорошо бы в нее еще белую крысу посадить.

— А у тебя есть крысы?

— Нет. В Ленинграде была одна, да я ее на цейлонскую марку выменял. Перелезай к нам. Мы шалаш для партизанского штаба строим.

Но Люсик через забор лезть не стал, а обошел кругом через две калитки.

На следующий день шел дождь. Люсик принес маленькие блестящие карты в коробочке и показал всем, как раскладывается пасьянс. Это он научился от своей бабушки. Но пасьянс раскладывать было нисколько не интересно, а Борька Скутальковский сказал, что уж если никто не умеет играть в шахматы, то лучше поиграть в «дурака» или забить «козла» в домино. К Люсику он отнесся с большим презрением и заявил, что мы вообще зря позвали его к себе в компанию. Но воображать перед Люсиком Борьке долго не пришлось. Вскоре Люсик, который отнес домой бабушкины карты, вернулся с шахматами и два раза подряд обставил Борьку. Третью партию Борька не доиграл. Он смешал фигуры и заявил, что поддавался нарочно и играть не хочет. Но никто ему не поверил, и он ушел, заложив руки в карманы, а Нолька свистел ему вслед. Тут мы все увидели, что этот Люсик не такой уж никудышный мальчишка.

Он к нам стал ходить каждый день и играл с нами в «партизаны и фашисты». Он всегда был у нас эсэсовским генералом, ему связывали руки, а потом его допрашивали в шалаше. Люсик хотел быть партизаном или разведчиком, но Валенка и Нолька сказали, что таких толстых партизан не бывает.

Но не думайте, что с тех пор, как Люсик начал играть

с нами, о нем стали меньше заботиться его мама и бабушка. Получилось как раз наоборот. Теперь, кроме обычных призывов Люсика то обедать, то спать, когда Валенка прямо выталкивал его за калитку, потому что Люсик ни за что не хотел уходить от нас, каждые десять минут со стороны соседской дачи слышалось:

— Люсик, ты где? Что вы там делаете?

Или:

— Люсик, будь осторожен!

Только уйдет мама Люсика — на крылечке веранды появляется его бабушка с ложкой и кастрюлькой в руках.

— Люсик, мама волнуется, — визгливо сообщала она. — Чем вы там заняты? Лю-с-и-и-к, почему ты не откликаешься?

— Он не может! Он военный преступник. Его сейчас будут расстреливать! — кричали ей ребята.

Люсина бабушка, наверно, не слышала, чтó ей отвечали.

— Только осторожно, —предупреждала она и опять уходила на дачу. Но вскоре за забором появлялась мама Люсика и звала:

— Лю-си-и-к, Лю-сик, где ты там? Пора молоко пить, Люси-и-к!

Теперь мы уже знали, что больше от него не отстанут. Валенка и Нолька поскорей расстреливали Люсика, и он уходил домой.

А раз случилось вот что. Люсик играл с нами и хотел залезть на дерево, где сидел и кричал Тарзаном Нолька. Но сук не выдержал и сломался. Люсик свалился на землю, больно ударился, да еще на лету ободрал себе до крови ногу. Правда, он не ревел, а только приложил к ране листок подорожника и перевязал ногу платком. Он не сразу ушел домой, а продолжал играть с нами, хотя больше уже никуда не лазил. Но зато, когда он вернулся на желтую дачу и бабушка и мама узнали о том, что с Люсиком случилось днем, поднялась страшная паника. Бабушка вприпрыжку

побежала в аптеку. Люсик выл так, что было слышно и на других улицах. Но плакал Люсик совсем не от боли. Он ревел оттого, что о нем опять заботились. Люсик отказывался что-либо есть и пить и брыкался. Ему мерили температуру и клали компресс на ногу.

На другой день Люсика, хотя с ним ничего и не случилось, не пустили играть на нашу территорию и он опять пускал свою лодочку в луже.

НАШИ ДЕЛА И ЗАБОТЫ

Но вообще-то у нас и без толстого Люсика было столько всяких дел, что времени ни на что не хватало.

Мы еще спали, когда приходила молочница и мама брала у нее молоко. Потом мама снимала с гвоздя сумку и уходила на рынок. Я всё это видела, но глаза слипались, и я снова засыпала. А наш Валенка и вовсе не открывал глаз. Разбудить его вообще-то было не легче, чем заставить ложиться спать. Мама уже возвращалась с базара, когда мы просыпались. Умывальник был наполнен свежей, холодной водой. Мы вставали и по очереди мылись. Обливаться водой утром, конечно, приятно, а вот чистить каждый день зубы куда хуже, но — что поделаешь!

А нас уже ожидал завтрак. Мама принесет геркулесовую кашу, и Валенка начинает по привычке кривить лицо. Уж очень мы эту геркулесовую не любим, — а тут, как нарочно, из желтой дачи доносится: «Люсик, кушай... Люсенька, надо слушаться маму и кушать...» Валенка вздохнет, подвинет к себе тарелку и начинает вовсю ложкой работать. Потом он залпом выпивал стакан молока, будто опрокидывал его в себя, вытирал рукой рот и спрашивал:

— Ну, всё?

— Всё, — отвечала мама. — Можешь идти.

Валенка в один миг исчезал. Я тоже кое-как доедала всё и убегала играть.

И вы знаете, просто удивительно, как медленно тянулось время за завтраком и как оно незаметно летело потом. Не успеешь в лапту наиграться или сходить с кем-нибудь из взрослых покупаться — мама уже зовет обедать. И всегда почему-то этот обед наступает тогда, когда так не хочется уходить с улицы. А тут еще мой руки, а то и лицо.

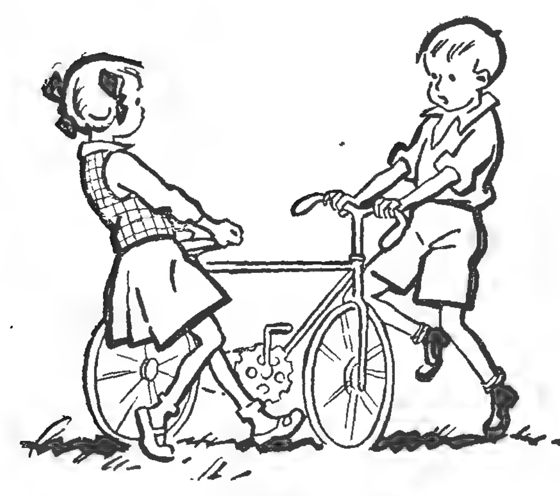
Обедаем мы с Валенкой так быстро, будто у нас сейчас поезд уйдет, и не спорим, едим, что дадут. Во-первых, спорить с мамой всё равно напрасно, а во-вторых, в окна только и кричат на разные голоса:

— Ну, скоро вы там?

— Валенка, Шурик, давайте скорей, а то мы начинаем!

Валенка запихивает еду за обе щеки, лишь бы поскорей освободиться и убежать. Котлеты он даже на ходу уплетает. Доест макароны или картошку, а котлету хвать в руку! Мама и слова сказать не успеет, а его уже как ветром с веранды сдуло.

И опять вовсю пошла игра. До того набегаемся, — ноги не ходят. Тут мне вдруг захочется покататься на велосипеде. И странное дело — так наш «Орленок» неделю стоит и скучает. Никто на нем и прокатиться не думает. А сто́ит лишь мне к нему притронуться — обязательно и Валенке тут же приходит желание кататься, и он, не долго думая, уже хватается за руль. Ну и я, конечно, не уступаю.

— Чур, я первая!

— Ну да, еще чего?! Я первый взял!

— Нет, я первая хотела.

Валенка отрывает мои руки от рамы.

— Ты еще только хотела, а я уже взялся.

— Нет, я первая!

— Ты за мной уцепилась!

— Нет, это ты меня обогнал и схватился.

— Пусти!

— Не пущу!

Валенка замахивается на меня кулаком, но я от велосипеда не отступаюсь, а только зажмуриваю глаза. С закрытыми глазами не так страшно. Но Валенка не бьет, только толкается.

— Оставь, говорю!

— Не оставлю! Велосипед на двоих.

Валенка отпихивает меня всем своим телом.

— Мама! — кричу я.

В дверях появляется мама:

— Что у вас такое? Перестаньте сейчас же!

— Да, а что он... — не сдаюсь я.

— А что она... — басит Валенка.

— Постыдитесь вы, — начинает мама. — Ну пускай первый покатается один, потом другая...

— Я была первая!

— Нет — я. Она врет!

— Ты врешь!

Мама не на шутку сердится. Валенка готов меня прямо съесть. Но тут я вдруг начинаю думать, что могу, конечно, покататься и потом, а сейчас пойти к Танечке и поиграть в «дочки-матери». Но только я решаю уступить Валенке, потому что я старшая и должна быть умнее его, как он сам неожиданно бросает велосипед, и «Орленок» с грохотом и звоном падает на пол.

— Ну и катайся! Я нарочно. Мне не очень-то и хотелось, — заявляет Валенка и уходит с веранды.

— Катайся сам! — кричу я ему вслед.

— Не буду, не уговоришь!

— Подумаешь, и я не буду!

Я поднимаю велосипед и ставлю его к стенке. Кататься почему-то уже не хочется. Наш «Орленок» опять одиноко стоит на веранде, а я ухожу вслед за Валенкой. После ссоры мы минут пятнадцать не разговариваем друг с другом, но как-то так получается, что скоро нам опять приходится играть вместе.

А тут уже наступает время, когда нужно ужинать и пить чай.

И как раз в эти минуты бывает так хорошо на нашем дворе! Солнце, огромное, красно-золотое, проглядывает сквозь стволы сосен. Теперь на него уже не больно смотреть. Ветер стихает, а тени делаются такими длинными — нельзя и поверить, что это твоя тень. Всё вокруг становится оранжевым, и стекла веранды горят таким ярким пламенем, что кажется: за ними пожар. Если это в начале лета, то небо вовсе не темнеет, только делается бледным. В эти минуты комары еще не спускаются на землю, а роем крутятся высоко над головой. И совсем не верится, что уже настало десять часов. Но тут-то и требуют, чтобы ты ложился спать. К этому времени мама и бабушка Люсика откричали свое и Люсик тоже утих. Приходит время ложиться и нам, а тут только бы почитать! Ночи такие светлые, можно и не зажигать электричества.

Валенка вдруг становится таким тихим, будто его вовсе тут нет. Возьмет книгу, уткнется в нее, усевшись где-нибудь в уголке веранды. Но маму не проведешь.

— Валенчик, спать, — говорит она.

— Ну чуточку почитать, мамик... — жалобно упрашивает Валенка, и я тоже помогаю ему.

— Пора, — требует мама. — Читать надо было раньше.

Валенка вздыхает и идет к своей постели. Но он только хитрит, что собрался спать, а на самом деле прячет книгу под подушку. Потом он пускается на всякие выдумки, даже пытается читать под простыней. Он это называет маски-

ровкой. Но все его хитрости давно известны. Мама подходит к кровати и отбирает у него книжку.

— Всё ясно, прекрати свои фокусы, — говорит она.

Делать нечего. Валенка опять вздыхает и, натянув простыню до глаз, отворачивается к стене. Но он не спит, а чертит пальцем по стене «точку, точку, запятую...» и человечка. Я хорошо знаю, о чем в эти минуты вздыхает наш Валенка. Он думает о том, что взрослые малопонятливые и бесчувственные люди, а все права почему-то на их стороне. А у ребят никаких прав. Валенка мечтает о том, чтобы и у ребят были такие права, по которым им подчинялись бы взрослые. Он на этот случай уже придумал некоторые правила. Он бы, например, всем взрослым давал перед обедом рыбий жир, и не по столовой ложке, а по разливательной. Потому что они — взрослые и им больше нужно. А книг, которые они хотят читать, он бы им тоже не давал, и тем более ночью, в постели. Еще бы он запретил взрослым с шестнадцати лет вход в кино на те картины, на которые пускают детей.

И спать бы он им тоже велел ложиться вовремя, и еще много было придумано Валенкой всякого, чтобы взрослые поняли, как трудно быть ребятами, и стали к ним подобрей.

Валенка лежит в кровати, чертит пальцем рожицы на стене и решает, что он ни за что не станет спать, а так и будет лежать до утра с открытыми глазами. Пускай, раз его заставили! И... тут же засыпает еще раньше меня и свистит носом.

С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Мы уже давным-давно жили на даче и так к ней привыкли, словно и не было никакой Петроградской стороны и нашего темного двора-колодца. Бум чувствовал себя прекрасно. Высунув язык, он целыми днями галопом летал вдоль ограды нашей территории и лаял на всех собак и кошек, которые пробегали мимо. На кошек он наводил такой страх, что они в ужасе убегали от него. К собакам же Бум относился по-разному. Чем больше была собака, тем больше он ее ненавидел. Маленьких собачек, наверное, принимал за щенков и потому вообще не обращал на них внимания. К тем, кто был пониже его ростом, относился терпимо, а иногда даже при встрече ласково повизгивал. Но кого Бум не переносил, так это немецких овчарок. Стоило показаться овчарке — Бум как с цепи срывался, летел вдоль ограды, лаял, казалось, сейчас разорвет овчарку на куски, хоть она на него и смотреть не хотела. Но кроме шума, в общем, ничего не бывало, потому что Бум лаял на собак с нашей стороны забора, а на улицу выбегать не решался. И еще он не терпел лошадей. Только покажется за оградой лошадь — с Бумом прямо собачья истерика начинается. И ничем его не уймешь, пока не скроется с его глаз повозка. Видно, он лошадей за громадных овчарок принимал.

К вечеру Бум так уставал от всех своих дневных дел, что, вытянув ноги и высунув язык, как убитый валился на пол веранды и даже не стучал хвостом, когда я проходила мимо.

Курнава тоже была довольна дачей. Она, наверное, вспомнила, что происходит от тропических хищников, и как в африканских джунглях лазила по деревьям и гонялась за птицами. Что касается нас с Валенкой, так тут и спрашивать нечего... В общем, всем очень даже хорошо жилось.

А потом вдруг всё переменилось.

Началось с того, что вечером почтальон привез на велосипеде телеграмму. Мама раскрыла ее, прочитала и говорит:

— Это от папы. Мне нужно срочно ехать в город. Меня вызывают в комитет женщин.

Дело всё в том, что хотя наша мама с тех пор, как появились мы с Валенкой, домохозяйка, но она еще борец за мир. Маме часто присылают письма матери из разных стран. Это очень нравится Валенке. Как придет какое-нибудь письмо, он сейчас же выклянчит у мамы конверт и сдирает с него марку. Всякими марками у него заклеена целая тетрадь. Есть даже одна африканская, и он ею так хвастается, что можно подумать: сам за ней в Африку ездил. Раз даже мамина фотография была напечатана в журнале «Советская женщина», и папа сказал, что получается — мама, действительно, борец. Зимой мама иногда уходит на собрания, а мы остаемся с папой и ждем ее.

Но летом маму никуда не зовут, и мы на даче забываем, что она борец. Да и вообще, она хоть и называется общественницей, а на самом деле самая обыкновенная мама и ничем таким от других мам не отличается. Ну вот, а тут маму вызывают летом.

— Наверное, с кем-то встречаться, — говорит мама. — Не знаю, что и делать, как вас одних оставить?

Я, конечно, молчу, потому что не люблю, когда мама уезжает, а Валенка как всегда:

— Чего такого. Если ненадолго — поезжай!

— Ну, хорошо, — согласилась мама. — Завтра с утра съезжу.

— Только вечером возвращайся, — говорю я.

— Ну конечно. Что за вопрос...

С вечера мама сварила нам суп, сделала котлеты и еще приготовила компот и рисовый пудинг. Утром рано она объяснила мне, что и когда нужно есть, и уехала. Бабу Нику она попросила приглядеть за нами и, когда придет время, разогреть нам еду. Мама сказала, что надеется — мы уже большие и что всё будет хорошо, а мне, как старшей сестре, велела следить за Валенкой. Она хотела вернуться пораньше, но наказала, чтобы мы, в случае чего, не ждали ее и ложились спать.

ОДНИ

И вот мы, впервые в жизни, остались одни на целый день.

Валенка очень обрадовался такой свободе и сразу же заявил, что у него сегодня будет выходной день от молока и чтобы я не воображала, потому что он всё равно слушаться меня не собирается.

Обедали мы в этот день, конечно, совсем не вовремя, потому что не хотелось уходить, пока не позовут обедать всех других ребят, а их звали в разное время. Позовут

Борьку и Танечку, — Нолька и Чики останутся. Потом Чиков зовут, а Танечка уже вернется, и мы опять носимся. Наконец пришла баба Ника и сказала, чтобы мы немедленно шли обедать или она расскажет маме, что́ мы за дети. Мы не стали спорить, а побежали домой и, не вымыв рук, очень быстро съели суп и второе. Конечно, только столько, сколько хотели, а не хотели мы почти ничего, потому что весь день забегали домой и «кусочничали».

После обеда осталась грязная посуда. Я говорю Валенке:

— Давай вместе вымоем.

А он отвечает:

— Давай — лучше ты! Я не умею. Еще разобью.

И убежал, а я осталась. Мне стало обидно. Почему это — ели вместе, а мыть я одна должна?! Но потом я подумала: «Ладно уж, вымою, но попозже». Я собрала все грязные тарелки, блюдечки и ложки, сложила их на кухонный стол и ушла играть с девочками.

Вечером, когда всех уже зазвали ужинать, мы с Валенкой вернулись и видим — наша посуда на столе прикрыта газетой. Подняла я газету, а посуда, как в сказке, по щучьему велению, вся вымыта.

— Здо́рово! — удивился Валенка. — Это ты, да?

Мне стало стыдно.

— Нет, — говорю, — это, кажется, баба Ника.

— Вот хорошо!

— Что же тут хорошего, когда чужая бабушка наши тарелки моет?

— А может, она их любит мыть?

— Ты думаешь?

Но тут явилась сама баба Ника и сказала, чтобы мы ложились спать, раз нашей мамы до сих пор нет. Баба Ника стояла до тех пор, пока мы не выпили по кружке молока и не стали раздеваться. Тогда она повернула выключатель, велела нам запереться и ушла. Валенка задвинул засов и

лег в постель. За окнами всё гуще синело. Мы стали думать, когда же приедет наша мама. Нам очень хотелось дождаться ее. Вдруг Валенка поднялся с кровати, подошел к окну и осторожно открыл его.

— Ты куда? — испугалась я.

— Ч-шш, молчи.

Валенка высунулся в окно, да так, что чуть не вывалился на улицу. Потом он опять встал на ноги, снова потихоньку закрыл окно:

— Спит. Свет потушила. Давай читать.

— А мама приедет, рассердится.

— Да мы услышим, потушим свет и сделаем вид, что спим.

— Ну, ладно.

Я нашла свою книгу, а Валенка включил свет и вытащил из-под подушки свою. Последнее время он читал книги только про шпионов. На обложках обязательно нарисовано что-нибудь страшное: или взрыв, или хватают за глотку какого-то шпиона с револьвером в руках. Валенка на месте спокойно сидеть не может, когда читает эти книги. Только и слышишь от него: «Вот здо́рово его, собаку, майор распознал!» или: «Обязательно найдется гад, не уйдет!» Спросишь его:

— Кто, Валенка?

— Шпион, конечно! Не мешай! — и отмахнется сердито.

А мне тоже очень интересно. В этих книжках такие истории, что прямо от страха дрожишь. Но мне ни одной из них до конца дочитать не удается. Валенка только кончит читать одну книжку — сразу бежит на другую менять.

Ну вот. Мы улеглись и читаем. Я свою книгу, про веселую семейку цыплят, Валенка свою — конечно, про шпионов. Но долго нам читать не пришлось. Валенка так торопился узнать, скоро ли поймают диверсанта, что только и листал одну за другой страницы. Потом он крикнул:

— Ага, попался, лазутчик!

— Не мешай, — сказала ему я.

Валенка немного полежал молча, потом говорит:

— Давай спать. Поздно.

Мне тоже уже хотелось спать, и мы погасили свет. В это время на улице зашумели деревья и дождь забарабанил в окна нашей комнаты.

— Где же наша мама? — вздохнула я.

Валенка не ответил. Он помолчал, потом спросил:

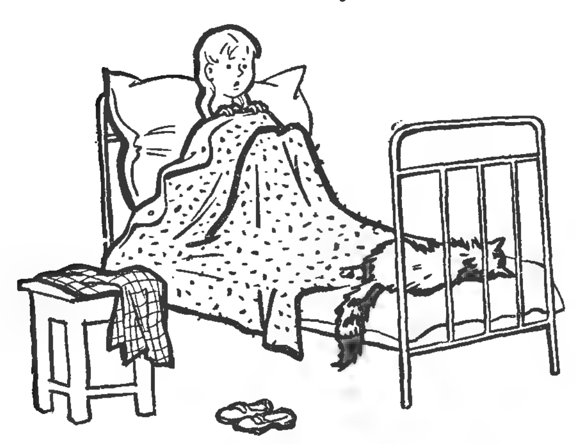
— Шурик, ты бы побоялась встретиться один на один с диверсантом?

— А какой он?

— Какой?! — Валенка тихо свистнул. — Каким хочешь прикинется. Может, в шляпе, на вид как артист. А захочет, бороду седую наклеит — будто старик.

— А как же его узнать?

— А никак не узнаешь. Только бдительный разведчик догадаться может, а ты никак. Вот будет рядом с тобой по улице ходить. В карманах револьвер и ампулы всякие.

— Они, наверное, страшные. Я бы увидела и убежала.

— А он хитрый. Прикинется добреньким, возьмет за руку и заведет в катакомбы.

— В какие катакомбы?

— Обыкновенные. Диверсанты всегда с жертвами в катакомбах расправляются. Заведет и застрелит из бесшумного пистолета.

Мне стало страшно.

— Валенка, — говорю, — а тут близко нет диверсантов?

— Откуда я знаю. Их всюду могут сбросить. Вот наступает ночь, они и спускаются с парашютом на землю. Приземлится, передаст своим, что прибыл. Потом закопает рацию и начнет в населенный пункт «Н» пробираться.

— В «Н»? А может и к нам сюда?

— Еще как. Особенно в плохую погоду. Диверсанты всегда в ветер, в дождь действуют.

— Ой, Валеночка, а если он у нас на территории приземлится?

— Сейчас вполне может. Потом придет, постучит и попросится побыть до утра.

— Я ни за что не пущу! Не говори мне больше ничего. Я спать не буду.

Валенка захохотал:

— А ты будь бдительна! С диверсантами нужно так держаться. Сделать вид, что ты ничего не заметил, а сам сразу в милицию.

— В такой дождь?!

— Конечно. В любую погоду. Это наш долг.

— А если он тебя из бесшумного?

— Нужно разгадать и перехитрить врага. Прозеваешь — и получишь нож в спину.

И тут мы услышали на улице чьи-то шаги.

Я вся затряслась.

— Валенка, слышишь?

— Слышу, — шепчет он.

— Зажги скорей свет!

— Зачем?

— Зажигай, а то я кричать буду!

Он вскочил и зажег свет. Шаги сразу стихли.

— Не будем гасить, — сказала я. — Где это наша мама?

— Давай спать, — сказал Валенка и зевнул. — Это я нарочно. Никаких тут нет диверсантов и потом комендантша территорию сторожит.

— Хорошо. Только ты больше ничего не говори.

Мы опять загасили свет. Дождь за окном не утихал. Где-то у потолка запел свою тоненькую песню комар.

— Валенка, ты не спишь?

— Сплю.

— Ну спи.

Я повернулась к стене. И вдруг услышала, как скрипнула калитка и кто-то стал пробираться к нашему домику, потом взошел на крыльцо. Нет, это были не мамины шаги. Те легкие, чуть слышные, а эти... И вдруг кто-то постучал в дверь. Я чуть не умерла со страху. Села на кровати. Сквозь темноту вижу — напротив уже сидит Валенка и, не мигая, смотрит на меня.

— Валенка, слышишь? — шепчу я.

— Что?

— Стучали.

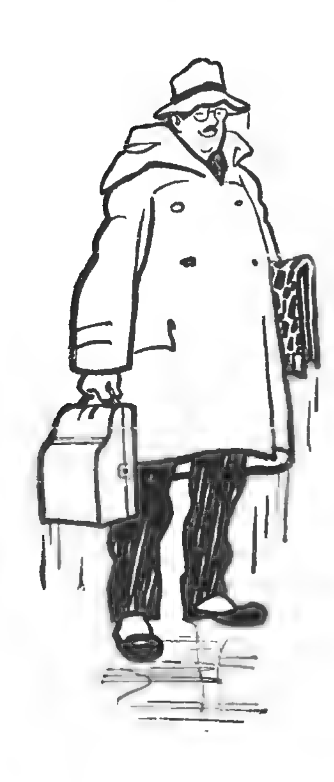
— Тебе показалось, — говорит он, а сам заикается. Это у него, когда он чего-нибудь испугается. В это время застучали погромче. Проснулся и залаял Бум. Он всегда лает, если кто-нибудь дома. Хочет показать себя сторожем. А когда остается один — забирается под кровать и тихонечко там лежит, будто его и нет. Боится, как бы воры и его из дому не унесли.

— Давай бабу Нику разбудим, — говорю я.

— Нет, — говорит Валенка. — Оружия нет — лучше молчать. Пусть думают, что здесь одна собака живет. — А у самого зуб на зуб не попадает.

Тут в дверь застучали еще сильнее.

Тогда мы с Валенкой вместе крикнули:

— Кто там? У нас нет дома никого взрослых, и мы не откроем!

И вдруг такой знакомый голос:

— Это я, Шурик. Открой!

— Ой, папочка!

А Валенка — сразу к двери и отодвигает засов.

— Я так и знал, что это ты. А она боялась, думала — диверсанты, глупая.

— Какие диверсанты? — удивился папа. — Я сперва мимо прошел, а потом еле в темноте нашу виллу отыскал. Ну и погодка...

И входит в комнату, в плаще с капюшоном, с портфелем и пишущей машинкой.

— А где же мама? — спрашиваем.

— Мама сегодня не приедет. Завтра обо всем посовещаемся, а сейчас — спать!

И только тут я почувствовала, как хочу спать. Забралась в постель и лишь успела подумать, что Валенка зря так обижается на взрослых. Всё-таки хорошо, что они есть на свете. С ними не так страшно. Но тут и уснула.

ОДИН ДЕНЬ БЕЗ МАМЫ

Утром, словно и не было дождливой ночи, снова светило солнце. Как только мы проснулись, папа провел совещание.

— Вот что, дети, — сказал он. — Вы уже, надеюсь, вполне понятливые и самостоятельные люди?

Валенка кивнул головой. Я тоже согласилась.

— Мама наша уехала, — заявил папа.

— Как так уехала, куда?!

— Здрасьте вам, с кисточкой... Новости! — удивился Валенка.

— Спокойствие, — поднял руку папа. — Она уехала за границу, в Польшу, с делегацией женщин. Ее пригласили. Вы должны только гордиться, какая у нас мама.

— Надолго? — спрашиваю я.

— В Польшу, если на ТУ-104, так ерунда — три часа. В один день можно туда и назад слетать, — говорит Валенка.

— Они поехали на пароходе, — сказал папа. — Но всего на десять дней. Мама боялась вас одних оставить, говорила, что лучше поедет когда-нибудь в другой раз. Но я уговорил ее. Сказал, что мы отлично справимся сами. Как по-твоему, Шурик, я правильно поступил?

— Правильно, — говорю я, а сама думаю: «Ой, как же это мы целые десять дней будем жить без мамы?!»

— И я так думаю, — продолжал папа. — Что такое десять дней — пустяки!

— Конечно. Что тут такого? — пожал плечами Валенка. Ему всё нипочем. Он очень даже храбрый на словах.

Папа говорит:

— Я это время поработаю дома. Видите, даже машинку привез с собой. Так, стало быть, справимся мы втроем? — и тут же сам ответил: — Безусловно... Ну, а теперь с места за дело! Где тут у вас умывальник?

Папа снял очки, и я повела его к умывальнику.

— Ага, прекрасно! — воскликнул он и только засучил рукава и намылил руки, как вода кончилась. Напрасно папа гремел носиком умывальника: оттуда перестало и капать. Я побежала к ведру, но и оно оказалось пустым. Пришлось вылить остатки воды из чайника, чтобы папа сумел смыть с рук пену.

— Где у вас тут берут воду? — спросил он.

— У водников. Мама оттуда носит.

— Ага, у водников. Понятно.

— Ты не думай. Это так детский сад называется. Хочешь, покажу?

Папа взял ведро, и мы пошли в сад водников за водой.

— Отличное утро, — сказал папа, когда мы вышли за калитку.

Утро и вправду было хорошее, свежее. Сквозь верхушки сосен проглядывало такое чистое небо, словно оно выспалось и умылось дождем. Капельки на траве искрились маленькими бриллиантиками, а чуть пройдешь по ней, сандалии от росы становились черными.

— Всё-таки далеко маме ходить за водой, — решил папа, когда мы возвращались.

— У нас на территории есть своя колонка, но она сломалась, и никто не приходит ее чинить.

Мы вернулись. Папа снял рубашку и снова стал умываться. Мылся он долго, как в городе. Фыркал и лил воду на затылок, шею и руки.

Потом мылись мы. Я — как всегда, а Валенка, наверное, из подражания папе, стал тоже ни с того ни с сего фыркать и ахать и попусту расплескал полный умывальник воды.

— Ну, — сказал папа, вытираясь, — поскольку наше утреннее совещание прошло в атмосфере полного взаимопонимания, теперь необходимо дружно приготовить завтрак... Напиться молока, что ли... Есть у нас молоко?

— Есть, есть! Нам молочница приносит! — закричали мы вместе.

— Прекрасно, — сказал папа. — Молоко нужно пить на воздухе. Это старая врачебная истина.

Я отыскала кастрюлю с молоком, и мы разлили его в две кружки и стакан. Папа нарезал хлеба. Вынули вчерашние, оставленные нам мамой, холодные котлеты.

— Чудесный завтрак, не правда ли? — спросил папа.

— Ага, главное, нету каши, — закивал головой Валенка. — Но тут он отхлебнул молока из кружки и скривил страшную рожу. Молоко оказалось кислым. Я вспомнила,

что мама не успела его вчера вскипятить, как делала всегда, а я забыла об этом сказать бабе Нике.

— М-да, чуть кисловато, — согласился папа. — Ну, что же, есть выход. Из этого молока, по теории, должна получиться превосходная простокваша, и мы уничтожим ее вечером. Поставим эти кружечки на солнце... Вот так, а сейчас попьем чаю. Тоже хорошо. Древний китайский напиток. Где чайник?

Я сбегала и притащила чайник.

— Наполним его, — сказал папа. Но оказалось, что воды в ведре уже нет. Это папа и Валенка вылили ее всю на себя, когда мылись. Папа взял ведро и, ни слова не говоря, опять отправился в детский сад к водникам. Но когда вернулся, сердито сказал:

— Всё-таки безобразие, что сломалась колонка и никого это не волнует. Придется поднять бучу.

Он наполнил чайник водой и хотел включить плитку, но мы объяснили, что электричество на даче с шести часов.

— Порядочки, — пожал плечами папа и стал разжигать керогаз. Но как разжигается керогаз, папа не знал.

— Вот странно, — сказал он. — С этими системами мне никогда не приходилось иметь дела. Вы не знаете, где инструкция?

Но где инструкция, мы не знали. Тогда в дело вмешался Валенка. Но у Валенки тоже ничего не получилось. Я, конечно, сто раз видела, как мама разжигала керогаз, и решила помочь. Мы все трое перемазались в саже и пропахли керосином, а противный керогаз всё не разжигался и лишь коптил черным, вонючим дымом, от которого Валенка беспрерывно чихал и гасил пламя.

— Вот если бы это был двигатель внутреннего сгорания или электропечь, я бы знал, в чем тут загвоздка, а так... Вероятно, он испортился, — печально заключил папа, в десятый раз со всех сторон осматривая керогаз.

— Давайте позовем бабу Нику, — посоветовала я.

— При чем тут баба Ника? Тут не твоя баба Ника, а механик нужен, — сказал папа. Но бабу Нику он всё-таки позвал. Папа хотел убедиться, что керогаз действительно сломался.

Баба Ника, как только явилась, сразу определила:

— Керосину мало, вот и не горит!

— Вы думаете? — удивился папа. — Всё может быть. А ну, Шурик, есть у нас керосин?

— Есть! — крикнул Валенка и, опережая меня, кинулся в переднюю, где у нас стояла керосиновая банка, но вдруг застыл на месте, как статуя в парке. Он вспомнил, что вчера был четверг и ему следовало сходить за керосином, а он и не подумал этого сделать.

— У нас керосин весь, — пробормотал Валенка.

— Ладно, я одолжу, — жалеючи вздохнула баба Ника. Она сходила к себе и принесла огромную, дополна налитую керосином зеленую бутыль с пробкой, привязанной веревочкой к горлышку.

Скоро наш керогаз засветился синеньким ровным огоньком. Мы поставили на него чайник.

Когда вода вскипела, папа насыпал в чайник чуть ли не полпачки чая, чтоб чай был покрепче. Мы все уселись за стол, и тут выяснилось, что пить чай не из чего, так как во все кружки и чашки, какие были у нас, мы разлили молоко, чтобы из него вышла простокваша. Пришлось опять пойти к бабе Нике и принести от нее посуду.

Часам к двенадцати мы всё-таки напились чаю, и тогда папа сказал:

— Теперь следует заранее подумать и об обеде. Что бы нам такое приготовить на обед?

— Суп, — сказала я.

— Да, конечно, но какой?

— С мясом, — сказал Валенка.

— Понятно, — кивнул папа. — Значит, нужно мясо. Ну, а на второе?

— Котлеты, — говорю я.

— Мясные! — кричит Валенка. — Есть мясорубка.

— Предположим. Значит, опять-таки требуется мясо. Нужно пойти и купить его. Ты что-нибудь понимаешь в мясе, Шурик?

— Я ничего не понимаю, — заявил Валенка, хотя его и не спрашивали. — Я лучше пойду, папа. Меня ждет Нолька.

Папа махнул рукой, и Валенка сразу исчез, а мы с папой остались вдвоем.

— Что вы тут делали с утра? — спросил папа.

— Мама ходила на базар.

— Вот и мы пойдем. Где сумка?

Я отыскала мамину базарную сумку, и мы пошли.

МЫ ГОТОВИМ ОБЕД

— Ничего, Валенку мы тоже заставим вносить свою лепту. Кто не работает — тот не ест, — сказал папа. — А вы как, Шурик, много помогали маме?

Я стала вспоминать, как мы помогали маме, и подумала, что мы не очень-то ей помогали. Иногда я ходила за хлебом, а Валенка за керосином. Это когда он не успевал убежать сразу после завтрака. Но мама не особенно-то и требовала, чтобы мы ей помогали. Она только заставляла нас побольше есть и пить молоко. Вот и всё.

— Это не по-товарищески, — сказал папа. — Теперь мы заведем другие порядки. — Он взглянул на часы. — Скажи, Шурик, а на базаре сейчас не перерыв?

— На базаре перерыва не бывает.

— Хотя да, тем лучше. Минуточку, Шурик! Необходимо знать, что творится на свете.

На стене клуба папа увидел газету, запертую в ящик с сеткой, как у крольчатника, устремился к ней и впился глазами.

— Смотри, пожалуйста! — радостно вскричал он, разглядывая первую страницу. — Давно ли начали строить эту гигантскую станцию?! Ты помнишь, ну каких-нибудь лет шесть назад? И вот она уже дала ток Москве. Здо́рово, верно?

Я кивнула головой, хотя шесть лет назад мне было четыре года и мы с Валенкой еще и в детский сад не ходили. Я уже сто раз пересмотрела карикатуру, на которой какой-то длинный противный дядька в темных очках ехал, как на тройке, на трех маленьких человечках в цилиндрах, а папа подвинулся только к середине ящика.

— Ну и типы же еще у нас имеются! — покачал он головой и добавил: — Извини, я сейчас, дочитаю фельетон.

Он читал и чему-то посмеивался, а я терпеливо ждала. Но, дочитав фельетон до конца, папа еще принялся за длиннющую статью и медленно, как улитка, стал двигаться вдоль газеты, а я всё жарилась на солнце.

— Минуточку, сейчас... Минутку, Шурик. — И вдруг папу будто укололи. — Ну, посмотри! Во Франции опять правительственный кризис. Как тебе это понравится?!

Мне это нисколько не нравилось. Я была уже готова заплакать от скуки, только крепилась. А папа вдруг принялся оглядывать всю газету сверху вниз. Наконец, он заглянул в самый крайний угол ящика, пробурчал: «Так, понятно, „Зенит" опять продул», — и, взяв меня за руку, пошел прочь от газеты.

Когда мы пришли на базар, папа спросил:

— Ну, что нам надо? Что покупала мама?

— Она всегда покупала на два дня.

— Мы будем перенимать опыт. Прежде всего, нам нужна, я думаю, картошка.

— Картошечки, картошечки, хозяин! — приглашала до-

черна загорелая женщина, перед которой лежала куча землистого картофеля.

— По-моему, мелковата, как ты думаешь? — Папа посмотрел на меня.

Но толстуху уже перебивал маленький седенький старичок в военной фуражке без звезды.

— Ах, хороша, ах, хороша! Не картошка — яблочко! Сам бы ел, да деньги нужны. Берите, гражданин, — приглашал он папу.

— Пожалуй, слишком крупна, а? — задумался папа.

Старичок обиделся и сразу стал называть папу на «ты».

— Ну, иди, иди, — найди лучше, — ворчал он.

Мы купили картошки и еще три связки кореньев. Папа очень удивился, до чего дешевы коренья, и потому мы их купили сразу три связки.

— Теперь мяса, — сказал папа.

Мы пошли в магазин. Там на прилавке под стеклом лежали куски мяса, но почему-то никто из хозяек, которые были в магазине, его не брал.

— Что, неважное мясо? — спросил папа у одной старушки.

— Это не мясо. Это свинина, — ответила старушка.

— Понятно, — кивнул головой папа. Но, по-моему, он не очень-то понял, почему это свинина — не мясо. И вдруг папа воскликнул:

— Шурик, идея! Давай возьмем гуся. Смотри, какие симпатичные гуси! Купим гуся, соорудим рассольник, а на второе — гусь с картошкой... Чем плохо? Приличные ли гуси, дорогой товарищ? — спросил он у продавца.

— Выдающиеся гуси. Гуси первой категории, — отвечал он. — Вам покрупнее?

— Да так, нормального. Вы, как специалист, лучше разберетесь.

— Вот видный гусак, — продавец выхватил из кучи самого большого гуся, звонко похлопал его ладонью по пузу

и, не дожидаясь папиного согласия, бросил на весы. — Всего — ничего... Без малого четыре килограммчика. — Он вынул из-за уха карандашик и стал считать, сколько нам нужно платить.

— М-да... — задумчиво промычал папа, но было уже поздно. Не мог же папа заставлять продавца вешать ему другого гуся. Он отправился платить в кассу, и вскоре мы, с трудом затолкав гуся в сумку, двинулись к дому.

Дома я надела мамин прозрачный фартучек, а папа разделся до пояса, и мы стали готовить обед. Сперва мы решили начистить картошки. Пока мы ее чистили, папа рассказывал про то, как у них на войне был солдат, который замечательно чистил картошку. Потом он еще рассказал про кашевара, который варил для их роты такую удивительную пшенную кашу, что казалось, будто она с мясом. Папа увлекся, и я заслушалась, потому что было очень интересно слушать разные истории про войну. Но когда мы посмотрели, то увидели, что шелухи набрался полный таз, а картошки — едва кастрюлька.

— М-да, — покачал головой

папа. — Потери великоваты. — Он, как редкий камень, со всех сторон оглядел очищенную им картофелину, от которой не осталось и половины. — Ничего. Зато качество отличное. В общем, нам хватит.

Мы покончили с картошкой и взялись за гуся. Папа отрезал ему голову с шеей и лапы и хотел их выбросить, но я сказала, что мама варит рассольник с лапами.

— Ты в этом уверена? — спросил папа.

— Я видела.

— Ну хорошо, под твою ответственность...

Папа отодвинул лапы и голову в сторону, и мы стали искать подходящую кастрюлю. Мы выбрали самую большую и хотели положить в нее гуся, но гусь оказался слишком велик. Папа хотел затолкать гуся силой. Папа вспотел и тяжело дышал, но гусь всё равно не влезал в кастрюлю. Вдруг папа выпрямился и посмотрел на часы:

— Без двадцати три! Еще есть время. — Папа схватил веревочку и приложил к гусю, меряя его длину. Потом он завязал узелок и воскликнул:

— Скорей, за мной, Шурик!.. Мы еще успеем!

Тут он накинул рубашку и, застегивая ее на ходу, бросился на улицу. Я побежала за ним. Мы понеслись в сторону рынка. Я едва поспевала за папой.

— Шурик, ты знаешь, где там посудная лавка? — крикнул на бегу папа.

— Она не там, она в другой стороне, возле станции! — прокричала я в ответ.

— Скорее! Показывай, где.

Мы быстро побежали в другую сторону. Встречные люди смотрели на нас во все глаза. Наверное, они думали, что мы что-нибудь стащили и теперь удираем.

В лавку «Хозтовары» мы влетели за пять минут до закрытия на обеденный перерыв.

— Есть у вас кастрюли? — прерывисто дыша, спросил папа толстого человека со скучным лицом, который сидел за прилавком.

— Вам какую?

— Как можно больше, — сказал папа.

— Вот, если подойдет, — продавец неторопливо нагнулся и поставил на прилавок перед папой кастрюлю больше бачка, в котором мама кипятит белье. В нее вместе с гусем наверное бы влезла и я.

— Нет, пожалуйста поменьше, — сказал папа.

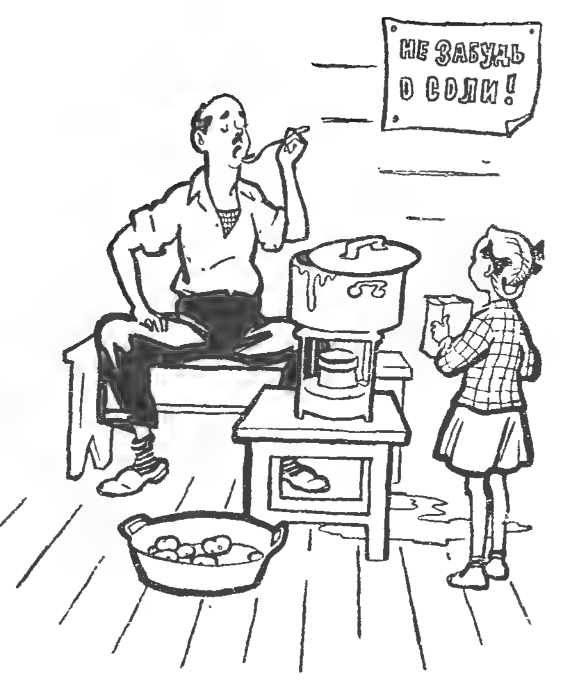
— Поменьше только полированные, — ответил продавец, глядя куда-то в сторону.

— Ну, давайте полированную, всё равно.

Продавец посмотрел на нас так, будто был очень недоволен тем, что папа согласен и на полированную, и еще медленнее прежнего снял с полки блестящую, как зеркало, кастрюлю и протянул ее папе. Папа вынул веревочку и стал мерить, влезет ли в кастрюлю гусь.

— Может быть, еще немного поменьше, — осторожно попросил папа. Он, наверное, боялся, что продавец рассердится и прогонит нас из магазина. Но тот ничего не сказал, и так же безразлично, как раньше, вытащил из-под прилавка что-то круглое, завернутое в бумагу. Кастрюля оказалась подходящей — в нее как раз мог поместиться гусь.

— Очень хорошо! Подходит! — воскликнул папа.

— Платите в кассу, — сказал продавец и выписал чек. Мы пошли к кассе, но там никого не было.

— Где же кассир?

— Сейчас будет.

Толстый продавец медленно двинулся вдоль прилавка и с трудом протискался в будочку, где стояла касса. Он поставил на чек печать и опять отдал его папе. Потом вернулся назад взял у папы чек и выдал нам кастрюлю.

— Спасибо, — сказал папа.

Продавец лениво кивнул головой, проводил нас до дверей и закрыл их за нами.

— Почему он такой важный? — спросила я у папы.

— Наверное, он занят, а мы его отрываем по пустякам с разными покупками.

— Теперь всё в порядке, — радовался дома папа, укладывая гуся в кастрюлю. — И маме будет небольшой подарок.

Но папа ошибался. Было еще не всё в порядке. Мы поставили кастрюлю с гусем на керогаз, и вода вскоре закипела. Потом сперва сварилась, а потом и разварилась картошка и обмякли огурцы, а гусь оставался каменным. Правда, это было даже хорошо, потому что папа только тут вспомнил, что мы забыли посолить рассольник, хотя папа еще с утра повесил над столом бумажку:

НЕ ЗАБУДЬ О СОЛИ!

Мы бросили побольше соли в кастрюлю, добавили воды и стали опять ждать.

— Конечно, дома на газе всё было бы значительно быстрее, — задумчиво сказал папа. — Там есть духовка. Это удивительно, Шурик, как человек быстро привыкает к цивилизации и даже не замечает окружающих его удобств. А ну, представь себе, что зимой тебе, прежде чем уйти в школу, нужно было бы разжечь керосиновую лампу, потом сходить за водой, затем растопить дровами плиту, а уж только тогда позавтракать... Ты вот, наверное, и не думала о том, что Пушкин читал и писал при свечах, а Лермонтов на Кавказ ехал целый месяц.

Мы еще о многом поговорили с папой, а гусь всё не хотел свариться. Тут прибежал где-то пропадавший с утра Валенка. Он явился с черными по локоть руками и перепачканным лицом. Его белая майка была крест-накрест разрисована какими-то рыжими полосами.

— Что это, на кого ты похож?! — удивился папа.

Валенка был так доволен, что можно было подумать, будто ему удалось покататься на паровозе.

— Мы заканчиваем новую конструкцию, — заявил он.

— Какую еще конструкцию?

— «ВН-11».

— Что это за «ВН-11»?

— «В» и «Н» обозначают имена конструкторов: «В» — Валена — я, а «Н» — Нолька. «11» — значит одиннадцатая модель.

— А почему одиннадцатая?

— Было десять вариантов. Строим одиннадцатый, самый совершенный.

— Что же это, вертолет?

— Нет, но не хуже. Завтра будет испытание, тогда узнаете. — И вдруг Валенка говорит: — Папа, я хочу есть. Скоро будем обедать?

Вот так новость! Раньше Валенку обедать и дозваться домой было невозможно.

— Иди-ка, мойся, — строго сказал папа. — Ты с утра сбежал, а мы с Шуриком целый день на тебя работаем. Приведи себя в порядок. Сейчас всё будет готово.

Но папа опять ошибся. Валенка вымылся, как не мылся никогда в жизни. Даже уши и шею вымыл. Вытащил из чемодана и надел чистую рубашку, а потом уселся на веранде с книгой и стал ждать обеда. Но время шло, а наш упрямый гусь, сколько мы его ни кололи вилкой, ни за что не хотел становиться мягким.

— Вероятно, это был гусь с большим жизненным опытом, — пошутил папа и опять подлил в кастрюлю воды.

— Может быть, он был уже дедушка, — сказал Валенка.

— Возможно... впрочем... — папа задумался. — Учитывая средний гусиный возраст, нынешним гусятам он мог бы быть даже прапрадедушкой.

Но как ни шутил папа, а от шуток сытым не станешь. У меня текли слюнки от запаха, который шел из кастрюли, а живот начинало подтягивать. Папа, конечно, держался, но я видела, что ему тоже очень хочется есть. От нетерпения Валенка сам вызвался сходить за хлебом и по пути съел половину батона.

На соседней даче уже начали зазывать ужинать Люсика, а гусь всё не сдавался. И тут на нашей половине появилась баба Ника.

— Что ж это, или еще не обедали? — удивилась она.

— Гусь, понимаете, попался упрямый,—будто стесняясь, стал объяснять папа. — Как это называется, еще не смягчился.

Баба Ника молча подошла к керогазу, подняла крышку кастрюли и посмотрела на барахтающегося с поднятыми вверх лапками гуся в густом, жирном супе.

— Разделать его надо, — сказала она. — Так и до утра не упреет.

Папа молчал. Ему больше ничего не оставалось делать, как слушаться бабы Ники. Тогда она сходила к себе и вернулась с какими-то огромными не то ножницами, не то щипцами.

— Положи, Шурочка, доску! — скомандовала баба Ника.

Ловко воткнув вилку в бок гусиной туши, баба Ника вытащила гуся из супа и подержала над кастрюлей, пока из него не вытекли остатки супа. Потом уложила тушу на доску и взяла свои щипцы. Раздался хруст, и гусь, будто арбуз, развалился на две половинки. Мы все трое, ни слова не говоря, с восхищением наблюдали за бабой Никой. Прежде, когда то же делала мама, никто не задумывался, как это у нее всё выходит, а теперь действиям бабы Ники мы удивлялись не меньше, чем чудесам фокусника Кио, которого зимой видели в цирке на утреннике. Не прошло, наверное, и десяти минут, и наш гусь, разрезанный на аккуратные куски, был опять положен в суп. Несколько кусков баба Ника положила на сковороду.

— На завтра, — пояснила она. — Разогреете, он и дойдет. — Баба Ника вытерла свои великанские ножницы и так же молча, как и пришла, удалилась.

Кончили обедать мы, когда уже стало темнеть. У нас разгорелся такой аппетит, что мы втроем сразу уничтожили половину гуся. Вечером девочки приходили звать играть, но я никуда не пошла. У меня так болели ноги, будто я ходила пешком в Ленинград, а рот до того сильно зевал, что звенело и болело в ушах. Папа, наверно, тоже очень устал. Он отыскал какую-то газету и хотел почитать, но, усевшись в шезлонг, сразу же выронил ее и задремал. Потом он очнулся и спросил:

— Чай пить будем?

Но мы от чая отказались. Только подумать о том, что его бы тоже пришлось ждать! Папа очень обрадовался.

— Правильно, — сказал он. — Что в чае толку — вода.

Посуду мы решили мыть завтра. Вскоре все улеглись

спать. Валенка почему-то имел очень усталый вид и вечером еле волочил ноги. Он даже не стал читать новую книгу «Операция „Скорпион"», которую успел где-то раздобыть.

Уже потушив свет, папа сказал:

— Мы славно с тобой сегодня поработали, Шурик, и имеем право на отдых. День, в общем, по-моему, прошел нормально. Спокойной ночи.

Папа уже, кажется, спал, Валенка свистел носом, а я думала о том, почему папу не удивило, что весь день у нас с ним ушел на варку рассольника с гусем. Как же успевают мамы, которые работают, накормить всю семью? Да еще прибрать в доме, да выгладить дочкам к утру фартучки и форму, да еще... Но и я тоже уснула.

ВАЛЕНКИНЫ ПЕЧАЛИ

Валенка у нас изобретатель и техник. Ничего на свете он так не любит, как смотреть на всякие машины. Стоит на улице какой-нибудь мотороллер или мотоциклет, — Валенку никакими силами от него не оторвешь. А если вдруг случится, что сломается автомобиль и шофёр станет чинить, Валенка так прямо и норовит в мотор головой залезть.

Дома Валенка всё время что-нибудь изобретает. Он не только обо всех нас, но и о Буме побеспокоился. Валенка изобрел для него собачью автопоилку. Захочется Бумке пить — он подойдет к миске, нажмет на нее носом, а канатик, надетый на колесики, потянет кран, он откроется и вода по резиновому шлангу польется прямо Бумке в миску. Беда была только в том, что Бум, хотя и очень умный пес, и умеет ходить на задних лапах и лаем считать до трех, а никак, сколько Валенка ни бился, не может научиться нажимать носом на миску. Да и научился бы, так всё равно толку мало, потому что открывать-то еще может быть, а закрывать кран ему никак не научиться. И пришлось

бы Валенке за ним постоянно смотреть и самому воду закрывать. Но тогда Валенка подумал, подумал и приспособил к поилке колокольчик. Раздастся звонок на кухне — значит Бум пить захотел и носом в миску тычется. Тут мы и бежим приводить автопоилку в действие.

Но один раз, когда никого не было дома, Бум захотел пить и так хорошо ткнулся мордой в миску, что кран открылся и полилась вода. Бумка напился и спокойненько ушел спать на мою кровать, — он очень любит там спать, когда ему никто не мешает. Мама вернулась домой и видит: вода уже всю кухню залила и ручейками в коридор ползет. Валенкину систему в тот же день ликвидировали, но он не особенно горевал, а тут же стал конструировать что-то новое.

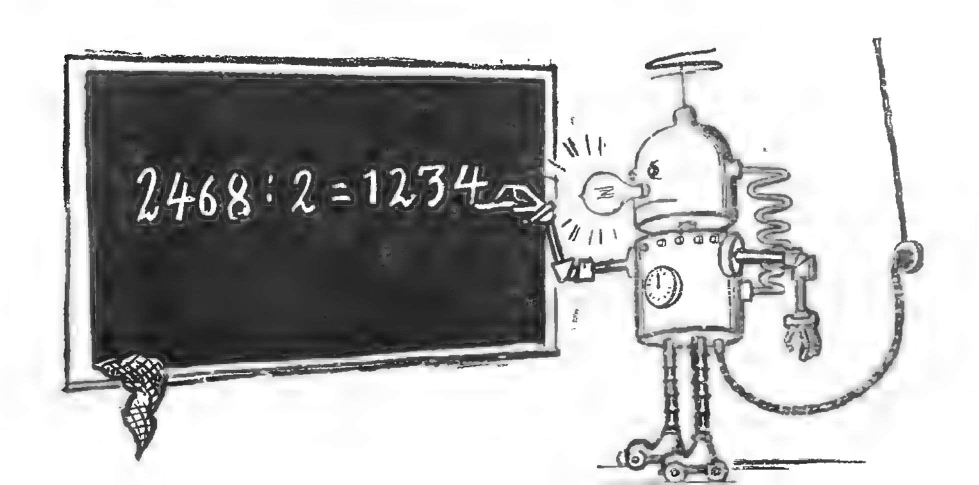
В другой раз Валенка придумал самоочиститель ног от снега и грязи. На вид эта машина была похожа на точила, какие носят с собой на плечах точильщики. Только вместо круглых камней Валенка приспособил на колесах какие-то старые щетки и метелки, которые сохранились у нас еще с тех пор, когда мы ходили в детский сад.

Свою машину Валенка назвал «самоочиститель чудо-молния» и по пять раз в день крутил его ногами, но испытать изобретение ему так и не удалось, потому что в эту зиму и снегу-то не было, а грязи на нашей Петроградской стороне и вообше не найдешь. Зато в «чудо-молнию» защемило хвост Курнавы, и она целый день жалобно мяукала. Но это было еще не всё. Однажды к папе пришел толстый редактор из издательства. Он не заметил в темноте Валенкиной конструкции и растянулся на полу в передней. Толстый редактор сказал, что он не ушибся, а Валенкина «чудо-молния» развалилась на части, и папа велел ее выбросить на помойку.

Валенка обиделся на папу и два дня с ним не разговаривал, но папа, кажется, этого не заметил. Тогда Валенка сказал мне, что пока будет заниматься изобретениями в го-

лове, а строить станет, когда накопит достаточно денег на материалы. У него уже лежало три рубля в баночке из-под леденцов.

У Валенки было много всяких выдумок, но одна из них главнее всех. Валенка придумывал конструкцию, которая называлась «конвейер-агрегат для вставания, одевания и отправления в школу». Весь этот конвейер был у Валенки нарисован на двух страницах прошлогодней тетради по рисованию и загибался на третью. Валенка долго держал свое изобретение в тайне, но потом не выдержал и показал мне, чтó это будет за конвейер. А было нарисовано там вот что: сперва — школьник спит. Потом в половине восьмого звонит будильник. К нему присоединена какая-то машина, которая поднимает вверх одеяло и простыню. В это время кровать на колесах подъезжает к ванне и встает на дыбы. Школьник съезжает в воду, а механические губки и мочалки начинают его мыть. Потом вода из ванной вытекает, мыло смывается механическим душем, и на чистого мальчишку падает полотенце. Валенка мне всё это объяснил и спросил, нравится ли мне его выдумка. Я сказала, что конструкция очень хорошая, только не знаю, какое приспособление будет за него делать уроки. Валенка отобрал у меня тетрадь и сказал, что я ничего не понимаю в технике, что скоро всё будут делать за людей автоматы и что

есть такая электронная машина, которая считает и пишет не хуже нашей учительницы Надежды Степановны и еще переводит с немецкого и играет в шахматы. Потом он показал мне язык и заявил, что с девчонками о машинах вообще нечего говорить. Но я-то знаю, что Валенка изобретает всё для того, чтобы поменьше делать самому. Он, например, любит вырезывать и клеить всякие штуки и постоянно сорит на пол. Тогда, чтобы не наклоняться собирать бумажки, он приспособил палку с гвоздем на конце, а мама потом долго не могла понять, почему у нас весь пол в какой-то оспе. Но когда поняла, выкинула Валенкину палку, а Валенку заставила натирать пол, и он весь вечер пыхтел со щеткой без всяких приспособлений.

На даче нас изводили комары и мухи. Особенно невозможно было есть, читать и засыпать. Только увидит муха, что ты притих, сейчас же начнет бегать по носу и ногам. Прогонишь ее — она сделает круг над головой и опять приземлится на лоб. Комары — те еще хуже. Они кусачие и летают в темноте. Самого не видно, а только слышно где-то надоедливое «п-и-и-и, п-и-и-и»... И ни липкая бумага, ничего от этих противных комаров и мух не спасает. А Валенка очень хитрый. Он придумал мухогонялку «Смерть паразитам». Можно было сидеть и читать, а правой рукой крутить ручку мухогонялки, или правой рукой есть, а левой крутить. Сделана мухогонялка была из бывшего зонтика, к голым спицам которого Валенка привязал хвостики из мочалки. Когда зонтик крутился, мочалки поднимали ветер и шипели, и мухи в ужасе улетали. Валенка сказал, что лучше бы, конечно, иметь электрический привод, но в крайнем случае можно обойтись и так.

— Валенка, — говорю я, — а как же ее крутить во сне?

— Крути, пока не уснешь, и всё! — отвечает он.

— Как же тогда уснуть?

— Как, как!.. Привыкай. Или пусть кто-нибудь другой крутит.

Баба Ника тоже всегда воевала с мухами. Она завешивала окна одеялами, открывала двери и брала в руки два полотенца. Полотенцами баба Ника махала, как птица крыльями, и шипела на мух: «Пошли, пошли... к-ш-ш, гадкие!.. К-ш-ш-ш-ш...» — до тех пор, пока все мухи не вылетали в двери.

Валенка взял свою мухогонялку и пошел к бабе Нике. Она в это время варила кашу маленькой Маргаритке, а та держалась за ее юбку.

— Баба Ника, хотите я вам всех мух прогоню? — сказал Валенка. — Никогда возвращаться не рискнут.

— Как же это ты их прогонишь?

— А вот так. Есть тут мухи? Смотрите.

Он установил «Смерть паразитам» на плиту. В дверях замер Нолька, с которым на даче Валенка всё конструировал вместе.

— Стойди! — скомандовал Валенка. — Не мешай им вылетать.

Он принялся быстро крутить ручки своей машины. Мочалки поплыли в воздухе и зашипели. Мухи заметались, не зная, куда им деваться. Баба Ника внимательно, как профессор, наблюдала за работой Валенки сквозь очки. Валенка сиял от гордости. Но тут вдруг его конструкция покосилась, Валенка не успел удержать ее, и вместо мух с полки с грохотом полетели кружки, за ними пустая банка, а вдогонку ей закувыркалась коробка с надписью «Кофе Мокко». Кофе стало на лету сыпаться из коробки, и когда она шлепнулась, на полу был уже коричневый островок. Валенка хотел выровнять свою мухогонялку, но она неожиданно накренилась в другую сторону и повалилась, чуть не

ударив по голове маленькую Маргаритку, которая очень испугалась и громко заплакала. Нолька сразу же исчез. Валенка побледнел и не знал, что ему делать, а потом бросил свою машину и, спасаясь, побежал вон с бабыникиной половины. Баба Ника успокоила Маргаритку, собрала остатки сломавшейся мухогонялки и выбросила «Смерть паразитам» вслед за ее изобретателем.

С тех пор Валенка бросил строить машины для домашнего хозяйства, и они с Нолькой принялись конструировать какой-то плот-самоход. Но вот однажды Валенка еще утром прибежал домой и сказал, что «ВН-11» прошла испытание и теперь стоит у нашего входа.

Папа не меньше моего заинтересовался новым Валенкиным изобретением, бросил вытирать посуду, и мы пошли за Валенкой.

КЕРОСИНОВОЗ «ВН-11»

— Поглядите-ка, ценная штука! — радовался Валенка.

Возле крыльца красовалось удивительное сооружение из большой мятой жестяной банки, двух ржавых колес от детского велосипеда и спинки старой выброшенной кровати. Вся конструкция была похожа не то на детскую коляску, не то на тележку, с которыми дворники в городе убирают мусор. «ВН-11» гордо поддерживал очень довольный Нолька.

— Что это за антилопа? — с удивлением спросил папа, поправив очки и внимательно разглядывая сложную конструкцию.

— Это никакая не антилопа-гну, а керосиновоз — машина для доставки керосина, — объяснил Валенка. — Емкость бака — до пятнадцати литров. Закрывается герметическим способом. — Валенка постучал кулаком по пустой банке. — Скорость не ограничена. Зависит от того, кто ее будет везти.

— Интересно,— произнес папа и обошел кругом машину

для доставки керосина. Вся она была опутана и перепутана проволокой.

— Это для прочности, — объяснял Нолька. — По-инженерному называется — для жесткости.

— Г-мм, очень интересно, — повторил папа.

Валенка весь сиял.

— Дай нам денег. Мы привезем керосину, а то у нас уже кончается, — попросил он.

— Хорошо, — согласился папа. — Только не берите много. Мне кажется, пятнадцать литров — это у вас емкость теоретическая.

— Не беспокойся — испытано, — важно заявил Валенка и забрал у папы деньги.

Изобретатель вместе со своим изобретением уже было собрался покинуть нашу территорию, но тут Нольку позвали домой. Оказалось, ему нужно было ехать в город к зубному врачу. Нолька печально вздохнул, передал машину и ушел, а я стала проситься у Валенки, чтобы он взял меня с собой. Мне тоже хотелось посмотреть, как будет действовать «ВН-11».

— Ладно, — кивнул Валенка. — Только будешь идти рядом. Вести машину я тебе доверить не могу.

Мы выехали за ворота. Валенка с таким серьезным лицом катил перед собой тележку, что можно было подумать — он сидит за рулем «Волги». Керосиновоз дребезжал и скрипел, подпрыгивая на ухабах.

— Это потому, что пустой бак, — объяснил мне Валенка.

Выбрались на шоссе, и машина покатилась по гладкой мягкой пыльной обочине. Встречные с удивлением поглядывали на Валенкино сооружение на колесах. Из-за забора пионерлагеря на нас смотрели пионеры.

Скоро мы опять свернули с шоссе и наконец подъехали к месту, где стоял керосинщик со своими бочками. Очереди не было. Валенка проехал немного дальше, а потом стал пятиться к бочке, как это делали шофёры на машинах у нас

на Петроградской, когда подъезжали к магазинам с товаром.

— Пятнадцать литров, — сказал Валенка керосинщику и отдал деньги.

Я дернула Валенку за рукав:

— Зачем так много?!

— Вовсе не много. Нечего зря машину гонять, — ответил он мне, не поворачивая головы.

— Да нам же не нужно столько.

— Пусть. На дольше хватит, — Валенка слегка оттолкнул меня локтем. — Не мешайся не в свое дело.

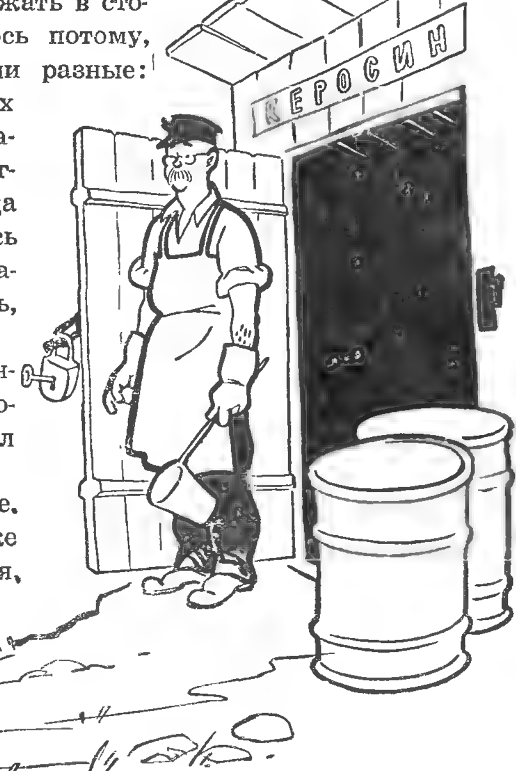
Керосинщик с удивлением посмотрел на Валенкину конструкцию. Покачал головой и стал наливать керосин.

Синий водопадик из мерки литр за литром опрокидывался в воронку, наполняя бак. «ВН-11» немного осел и вправду сделался будто устойчивее. Валенка получил сдачу, отдал ее мне и стал закрывать отверстие банки.

Мы двинулись в обратный путь. Валенке было, наверное, не очень-то легко катить свою конструкцию, наполненную керосином, но он не показывал вида. Выехали на шоссе, и «ВН-11» опять пошел гладко. Колеса конструкции тонко повизгивали, будто пели какую-то свою песенку. Валенка радовался:

— Видала?! Это тебе не на себе банку тащить.

Мне тоже очень хотелось покатить машину для доставки керосина, но Валенка даже не смотрел в мою сторону. Однако, проехав еще немного, керосиновоз стал как-то странно крениться, а бак начал съезжать в сторону. Может, это получилось потому, что колеса у «ВН-11» были разные: два больших, а два других куда меньше. Одинаковых Валенка и Нолька найти не могли. Теперь во время хода большие колеса крутились спокойно и медленно, а маленькие очень торопились, чтобы поспеть за ними.

Заметив неладное, Валенка остановился, велел мне подержать машину, а сам стал подтягивать проволоки.

Потом поехали дальше. Хотя «ВН-11» так больше уже и не выправлялся, а двигался,

скособочившись в сторону, но в общем всё было благополучно до тех пор, пока мы не свернули на дорогу, которая вела к нашим домикам-кубикам. Тут-то и началось!

Сперва сорвалось и побежало в канаву маленькое колесо.

— Лови скорей! — крикнул мне Валенка, едва удерживая керосиновоз, чтобы тот не опрокинулся.

Я побежала за колесом, но как его было догнать...

— Оно прыгнуло в крапиву! — кричу я.

— Ну и что, трусиха! Вытаскивай скорей!

— Сам вытаскивай оттуда!

— Да видишь же, я от машины не могу уйти — грохнется.

Что было делать? Я зажмурила глаза и полезла в крапиву, но ничего в ней найти не могла, а ноги мои и руки будто сто комаров искусали. Я выскочила из канавы.

— Кусается!

— Вот еще уродик! Иди скорей сюда, держи.

Валенка сам полез в крапиву, но тоже не сразу разыскал в ней колесо.

— Больно? — спросила я, когда он вернулся.

— Ерунда.

Но он только храбрился. Скоро его ноги и руки стали покрываться красными пузырями. Валенка делал вид, что не обращает внимания на боль, и только сопел, прилаживая колесо. Я с трудом удерживала на весу «ВН-11». Наконец Валенка выпрямился и сказал:

— Всё в порядке. Авария ликвидирована.

Мы направились дальше. Теперь керосиновоз хоть и двигался, но кренился еще больше, чем раньше, и всё время норовил съехать в канаву. Валенка еле удерживал машину. От усилий он раскраснелся, вспотел и уже не смотрел на меня так важно, как час назад. Я шла рядом с керосиновозом и тянула банку в другую сторону, чтобы она не выскочила из проволок и не свалилась.

— Ничего, — успокаивал сам себя Валенка. — На первой скорости дойдет.

Но только он это сказал, как случилось самое страшное. Раздался грохот. Я едва успела отскочить в сторону, а керосиновоз «ВН-11» в одно мгновение как-то осел и сразу же развалился. Колеса оторвались и побежали кто куда. Банка упала на землю. Пробка выскочила — и в пыль толстой струей полился керосин.

Валенка кинулся к банке и стал ее поднимать. Штаны его сразу же покрылись темными жирными пятнами, а на майке зажелтел керосин. Я побежала собирать колеса и стаскивать их в одно место. Подняв банку, Валенка печально посмотрел на то, что осталось от керосиновоза.

— Дотащим так. Потом отремонтирую, — сказал он. — Я понесу бак и раму, а ты бери всё остальное.

— Не буду. Я и так вся искусанная и измазанная... И потом, ты мне и покатать не давал.

Валенка молчал. Наверное, он понимал, что всё-таки зря передо мной задавался.

— Ну и ладно. Сам понесу, — сказал он.

Валенка взял в одну руку бак, а другой ухватил колеса и потащился с ними к дому. При этом он кренился вправо не меньше своего развалившегося керосиновоза. Это банка с керосином перетягивала Валенку.

— Говорила, бери меньше! — кричала я ему вдогонку.

Валенка не оборачивался. На секунду он остановился передохнуть и опять поплелся дальше. Мне стало его жалко. Я как могла связала проволокой остатки «ВН-11» и поволокла их по земле вслед за Валенкой. За мной поднимался такой столб пыли, что со всех дач стали кричать, чтобы я перестала безобразничать.

Но всё-таки я дотащила железины до нашей территории. Весь мокрый, Валенка ждал меня у ворот. На крыльце нас встретил папа. Он посмотрел на Валенку и кучу лома и сразу всё понял.

— Здо́рово, — сказал он. — Значит, керосиновоз не выдержал. Видимо, расчет был не точен.

Валенка молчал, ни на кого не глядя.

— Бывает, — продолжал папа. — Хорошо, что все части целы, можно будет сделать новую машину, верно, Валенка?

Насупившись, Валенка нюхал свои прокеросиненные руки и майку. Наверное, думал, что ему долго придется мыться, чтобы керосиновый запах перестал напоминать о всех огорчениях с усовершенствованной конструкцией «ВН-11».

ОДНИ ВТРОЕМ

От мамы пришла телеграмма с парохода. Там было сказано: «Прошли Швецию. Как-то вы там одни? Целую, мама».

А мы были вот как.

Мы уже трое суток жили одни с папой. Утром, когда лучи солнца лежали на полу нашей комнаты, показывая, как он плохо подметен, мы все трое, еще в одних трусиках — так мы и телеграмму читали, — уселись на кроватях, и папа повел такой разговор.

— Интересно, — сказал он, тоскливо посмотрев на свою пишущую машинку, которая скучала в запылившемся футляре возле его кровати, — когда же я буду работать? Пока что весь день уходит на разные хозяйственные дела. Надо что-то придумать...

Он встал и заходил взад и вперед по комнате в своих широченных, как у футболиста, трусах.

— Конечно, ничто никогда и никому сразу не дается, — продолжал папа. — В каждом деле имеются свои трудности и свои сложно разрешимые проблемы. — Папа остановился и внимательно, сквозь очки, посмотрел на Валенку. — Но при желании всё преодолимо. Знаете ли вы, например, что такое на войне, в полевых условиях, проблема бани?

Валенка закивал головой, будто и в самом деле что-то знал.

— Сколько нужно воды и всего прочего, чтобы вымыть целую роту бойцов! — Папа опять прошелся по комнате и снова остановился. — Или, скажем, вовремя накормить солдат, если у тебя в походе отстала кухня... Что ты тут будешь делать, Шурик?.. Или — есть всё, а нет соли и ее нигде не купишь? Ну, что делать, а?

Я пожала плечами. Откуда я знала, что тогда делать.

— Вот тут-то и нужна военная находчивость. Знаешь ли ты, — папа ткнул Валенку пальцем в грудь, — что на фронте порой всё решает солдатская изобретательность.

Ох, уж лучше бы папа не говорил этого Валенке!

— Так вот, дорогие друзья! — папа поднял вверх палец. — И мы должны преодолеть все трудности и, как говорится, войти в нормальную колею.

А разных трудностей, или, как их называл папа, проблем, у нас, хоть мы без мамы жили всего три дня, с каждым часом прибавлялось.

Одной из них была проблема кормления Бума и Курнавы.

Сперва мы об этом как-то не думали. Но скоро Буму и Курнаве сделалось обидно, что о них забыли, и они стали напоминать о себе.

Курнава принялась бегать за мной по пятам и мяукать. Она, наверное, хотела сказать, что тоже живет в этом доме и пора о ней побеспокоиться. А Бум не скулил. Он просто всё время сидел на задних лапах и смотрел нам всем в рот такими глазами, будто говорил: «И неужели у тебя хватит совести съесть этот кусок колбасы, когда перед тобой твой любимый верный пес, который может умереть от голода?» Мы с Валенкой отламывали по половинке бутерброда и потихоньку кидали Бумке. Он ловил на лету то, что ему бросали, торопливо проглатывал, а потом снова поднимался на задние лапы и смотрел на нас так, будто ничего не полу-

чал. Мы кидали ему еще и еще... От мамы нам бы за такие штуки здóрово влетело, но папа в это время смотрел в газету и ничего не замечал. Тогда Бум, осмелев, стал требовать подачки и от папы и до тех пор перед ним пританцовывал и облизывался, пока папа не намазывал кусок булки маслом и не давал ему. Курнаве, той без мамы очень понравилось пить молоко с накрошенными в него кусочками батона. Правда, она старалась вылакивать только молоко, а булку оставляла на блюдце. Вылакав молоко, Курнава поднимала на меня свои зеленые глаза со зрачками-семечками и старалась сказать: «Очень вкусно, но мало. Наливай еще». Скоро стало понятно, что Курнава за день способна выпить столько молока, сколько выпивали мы вдвоем с Валенкой. Куда столько в ней помещалось?! Тогда папа задумался.

— Собаку и кошку надо чем-то кормить, — сказал он. — Не вспомните ли вы, чем их кормила мама?

И в самом деле, при маме Бумкина миска и блюдечко Курнавы всегда были наполнены какой-то едой и ни собака, ни кошка ни к кому не приставали. Вообще в эти дни, когда нужно было что-то сделать, начинали думать о том, как это делала мама, и, вот беда, — не всегда вспоминали. Просто как-то делала — и всё.

— Бумка ел свой суп, — сказал Валенка.

— А Курнаве мама варила рыбу, — вспомнила я.

— Этого еще мне не доставало! — воскликнул папа. — Кошке варить уху! У кого хватит времени!

— Лучше ей купить копчушек, — посоветовал Валенка. — Она их ест, даже очень любит. Я знаю.

— А Бумке дешевой колбасы, — сказала я. — Он ее обожает.

Папа согласился, и с этого дня наши домашние звери стали получать свой дачный паек. Правда, дешевая колбаса в магазине бывала редко, но Бум не разбирался и с удовольствием ел и свиную, и ветчинную. Курнаве покупали сырую рыбу. Папа успокоился, потому что больше всего он боялся, что ему придется что-то готовить и для них. И так он едва вырывал время, чтобы постучать на своей машинке.

В нашей жизни тоже были новости.

Однажды утром папа, очень довольный, пришел с рынка с большой книжкой, обернутой в желтую бумагу. Он сказал, что ему случайно повезло и он купил книгу «О вкусной и здоровой пище».

— Это как раз то, чего нам не хватало,— заявил папа.— Нынче все проблемы решаются с помощью науки. Вот и нам эта научная книга поможет освободиться от забот бабы Ники, — объяснил он.

Он снял обертку и стал листать книгу. Там были яркие разноцветные картинки со всякими тортами, салатами, целыми рыбами, очень красиво уложенными на блюда.

— Будем действовать согласно последним достижениям кулинарной техники, — произнес папа. — Что бы нам приготовить такое вкусное, Шурик?.. Ага, вот супы... Посмотрим. «Щи из свежей капусты». Отлично! — Папа немного почитал и покачал головой: — Нет, что-то слишком сложно. Поглядим дальше.

Папа сел к столу и углубился в книгу. Время от времени

он бормотал про себя: «Из квашеной капусты...» Нет, лучше «из квашеной с головизной». Да, но новое дело! Где-то еще нужно доставать головы осетровой рыбы!.. Нет. Нужно что-нибудь попроще. Ага, ага, вот!.. «Борщ украинский», — папа радостно заулыбался. Он очень любил украинский борщ, который готовила мама.

— Шурик, бери карандаш! — закричал он мне. — Сейчас мы с тобой сделаем, как это называется... раскладку. Садись и пиши... Итак, что тут сказано? «Сварить мясной бульон и процедить его». Это мы можем сделать. Значит, во-первых, — вода и мясо... Затем — коренья, потом нужно свеклы. Дальше... Какой-то еще жир? Гм, свиной... Затем — томат-пюре. Можно еще хлебный или свекольный квас. Где мы его возьмем? Я думаю, Шурик, это излишества? Ведь мы можем обойтись и без свекольного кваса, а?

Я кивнула головой.

— Дальше! — продолжал изучать книгу папа. — Потом лук и... — он вздохнул, — «и смешать его с поджаренной мукой. Затем довести до кипения». Кого довести до кипения?! Ну, хорошо. Пиши еще: «Нарезать картофель крупными кубиками»... Почему именно кубиками, а если прямоугольниками? Так, дальше... «Лавровый лист, горький перец и душистый горошек...» Потом нужно заправить всю эту историю растертым чесноком и помидорами, нарезанными дольками. Ага, знаешь, как арбуз режут! Погоди, еще не всё. Затем нужна сметана и мелкая зелень петрушки... Сколько у тебя получилось, Шурик? По-моему, считая соль, восемнадцать наименований. И всё это надо как-то очищать, варить, смешивать, поджаривать, цедить... — Папа вынул платок и вытер пот со лба.

— Нет, Шурик. Без предварительной подготовки нам с тобой этого борща не осилить, — сказал папа и стал перелистывать книгу.

Я была рада, потому что всё равно ничего толком не успела записать. Папа листал книгу, а я сидела с каран-

дашом и ждала. Вдруг прибегает Валенка. Просунул голову в окно и кричит:

— Папа, у нас спор. Борька Скутальковский говорит, что вокруг Марса ракетные спутники летают, а мы с Нолькой смеемся. Откуда они могут быть, там и людей-то нету. Мамонты их, что ли, сконструировали?

— Там и мамонтов нет. Одни каналы, — вставляет Нолька. Он появился в окне рядом с Валенкой. А над ним торчит голова самого Борьки.

— Есть там искусственные спутники, — заявляет Борька. — Я в газете читал. Летают. И может, уже тысячу лет.

Валенка и Нолька как захохочут. А папа говорит:

— Действительно. Имеется такая гипотеза, то есть, значит, предположение.

Валенка и Нолька как будто по грецкому ореху проглотили. Рты раскрыли и спрашивают:

— Откуда же, без людей...

— Они там, возможно, были, но переселились на другие планеты.

Валенка с Нолькой даже свистнули.

— Вот это да! Куда ж они улетели?

— Трудно сказать, — говорит папа. — Это, конечно, еще не проверено. Подождите. Я сейчас к вам выйду.

Он захлопнул книгу о здоровой пище и пошел к мальчикам. У стены нашего домика лежал притащенный откуда-то Валенкой старый лист фанеры. С одной стороны он был оклеен порванными обоями, а с другой — чистый.

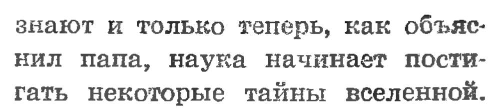
— Найдите-ка мне кусочек уголька, — попросил папа.

Валенка и Нолька бросились за углем и притащили его столько, что, наверное, хватило бы поставить самовар.

Папа нарисовал на фанере Солнце и Землю, Луну и Марс и еще какие-то планеты.

— Солнечная система огромна, — сказал папа.

Тут он стал рассказывать удивительные вещи. Оказалось, что про другие планеты люди еще очень мало

знают и только теперь, как объяснил папа, наука начинает постигать некоторые тайны вселенной.

Папа сказал, что, возможно, есть люди и на других планетах. Может быть, такие же, как и мы, а может быть, и не похожие на нас, но разумные существа.

— Наверное, у них головы, как скафандры водолазные, — сказал Нолька.

— Почему именно как скафандры? — удивился папа. — В свое время люди думали, что на землях, которые они открывали, например в Африке или на океанских островах, живут чудовища, а оказались такие же люди, только другого цвета кожи.

Марсианин

Пришли Чики и тоже стали слушать. Потом прибежала Танечка с пирогом во рту. Скоро вокруг папы собрались все ребята, которые жили на нашей территории. Даже маленькая Маргаритка с мишкой в руках пришла. И хотя она ничего не понимала, но нам не мешала и смотрела на кружки, которые рисовал папа. А папа всё рассказывал и рассказывал. Он сказал, что если Луну окружить земным воздухом, то, возможно, на ней вырастут леса и сады и появятся моря и реки, и там будет замечательный климат, и люди, в будущем, возможно, будут летать на Луну отдыхать, как сейчас ездят на Кавказ, и там можно открыть лунный «Артек» для пионеров.

— Вот здóрово! — воскликнул Валенка.

— А дачи там будут?

Это крикнул Люсик. Мы все обернулись. Ну и спросит же человек! Оказалось, он давно стоял по ту сторону забора и слушал всё, про что рассказывал наш папа. Папа улыбнулся и говорит:

— Возможно, что и будут. Но, надеюсь, частники к тому времени переведутся.

— Там будет Лунная советская республика, — говорит Валенка.

Тут на папу со всех сторон посыпались вопросы.

— А детей на Луну будут пускать? — кричат Чики.

— А сколько дотуда ехать?

— И по радио можно будет с одной планеты на другую всякие новости передавать, верно? — умничает Борька Скутальковский.

— А мы дождемся, чтобы на Марс полететь? — перебивает всех Нолька.

Такой шум поднялся, даже Бум залаял. Будто он тоже забеспокоился и захотел узнать, есть ли на Луне собаки и маленькие они или большие.

— Вы еще успеете, — сказал папа, — и всё проверить и, очень может быть, на другие планеты слетать.

Папа вспотел и стал платком лоб вытирать.

— Ну, вот и всё, друзья. А теперь, — он перевернул фанерный лист и снова прислонил его к дому, — вернемся на землю и будем заниматься своими делами. Пойдем, Шурик. У нас с тобой еще много дел на земле.

Мы пошли в дом и, как взглянули на часы, так и ахнули. Оказалось, время уже к обеду, а мы еще научную книгу о пище не дочитали. Но папа подумал и говорит:

— Может быть, сегодня мы лучше пойдем обедать в столовую? Это очень даже хорошо, и сэкономим время. А об ужине и завтрашнем дне решим позже. Да, собственно, уже и идти пора. Зови скорее Валенку!

И мы пошли в столовую. Но столовой в поселке, где мы жили, не было, а была только чайная. Раньше я думала, что там все пьют чай. Но оказалось, что чай в чайной никто не пьет, а сидят там дядьки с рынка и пьют пиво из больших стеклянных кружек.

Мы уселись за стол, покрытый клеенкой, и папа при-

нялся читать напечатанный как стихи список кушаний, который назывался «меню». Он был напечатан на машинке, но так бледно, что папа два раза снимал и протирал свои очки. Наконец он спросил:

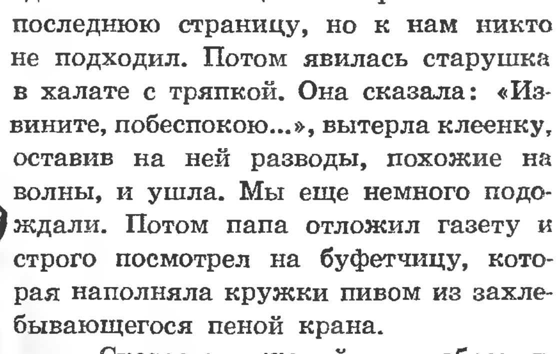
— Кто станет протестовать против щей с мясом? Я думаю, что никто.

С чего бы нам протестовать против щей с мясом?

— Так, а на второе, м-мм... — замычал папа. — Вот. Бараньи отбивные и затем компот.

Он отложил меню в сторону и взялся за газету. Газеты папа почему-то всегда читал с конца. Он прочитал всю

последнюю страницу, но к нам никто не подходил. Потом явилась старушка в халате с тряпкой. Она сказала: «Извините, побеспокою...», вытерла клеенку, оставив на ней разводы, похожие на волны, и ушла. Мы еще немного подождали. Потом папа отложил газету и строго посмотрел на буфетчицу, которая наполняла кружки пивом из захлебывающегося пеной крана.

— Скажите, пожалуйста, — обратился к ней папа. — Сюда кто-нибудь подойдет?

— Подойдет, — ответила буфетчица. — Нужно же покушать и официантке. Она тоже человек.

Папа не стал спорить. Он только пожал плечами. Кто же не знал, что официантка человек.

— Клавочка, тебя ждут! — крикнула буфетчица.

— Иду-у-у, — послышалось из-за перегородки за буфетом, и вскоре появилась тетенька, которую звали Клавочка.

Она была ростом выше нашего папы и такая толстая, что едва проходила между столиками. На животе Клавочки был приколот маленький, будто кукольный, передничек.

— Уже выбрали? — спросила она у папы.

— Да, пожалуйста, — папа объяснил, что́ мы выбрали.

— Щи — все, — сказала Клавочка. — Бараньих тоже нет.

— Гм, так вы бы вычеркнули, — посоветовал папа.

— Я бы вычеркнула, да у меня карандаш потерялся, — объяснила официантка.

Папа снова стал читать меню. Клавочка ждала.

— Ну, тогда три лапши с курятиной и по шницелю! — весело скомандовал папа.

— Лапша кончилась, а про шницеля сейчас узнаю.

Толстая Клавочка закачалась между столиков и уплыла за перегородку. Потом она вернулась и сказала:

— Из обеденных только молочный суп остался. Обед у нас до двух. Вторые порционные берите... Свиные хорошие.

— Давайте что хотите, только побыстрей! — Папа больше уже не смотрел в меню.

Пришлось нам с Валенкой есть молочный суп, который раньше нас и за утренник в цирке заставить есть было невозможно. Папа его, конечно, тоже терпеть не мог, но делал такой вид, будто всё время только и мечтал о молочном супе. Свиные отбивные оказались такими жирными, что мы с Валенкой едва съели по половине. Потом мы проглотили компот и еще выпили бутылку лимонада.

— Неплохо, конечно, было бы снести эти котлеты Бумке, — сказал папа, — но, пожалуй, неудобно. Лучше мы ему что-нибудь купим.

Папа позвал Клавочку и расплатился с ней.

— Спасибо, — сказал он.

— Спасибо вам, — сказала Клавочка.

Мы вышли из чайной. Идти было тяжело. Хотелось спать. Домой шли не торопясь.

— Это недопустимо, чтобы в поселке, где летом столько отдыхающих, была единственная чайная, — сказал папа, когда мы отошли подальше. — Просто стыд.

Он возмущался всю дорогу и сказал, что так этого нельзя оставить, что надо писать в газету... В последние дни папа вообще находил в нашем поселке много неладного. Наш папа, конечно, был прав, только вот что было удивительно. Ведь он ездил на дачу уже несколько лет и ничего плохого здесь раньше не замечал, а только усаживался в тень и читал книги. Если ему на что-нибудь жаловалась мама, то он всегда с ней соглашался, но тут же, наверное, и забывал. И рассказывал, какую удивительную вещь он вычитал. Теперь же он так сердито смотрел на нас с Валенкой поверх своих очков, что можно было подумать — мы-то и устраиваем всякие неудобства и проявляем полное невнимание к людям, как говорил папа.

ВАЛЕНКА — ШЕРЛОК ХОЛМС

Вот какая история произошла в один из этих дней.

Утром, только я открыла глаза, входит с веранды папа. Мохнатое полотенце у него, как шарф у морского пирата, на голом животе завязано — и говорит:

— Товарищи, происшествие! У нас исчез умывальник.

Валенка бросил «Тайну старого за́мка», которую читал с раннего утра, вскочил с постели и — только грязные пятки засверкали — вон из дома. Я, конечно, за ним. Прибегаем и видим: в самом деле от умывальника только ржавый гвоздь в стволе остался. Валенка обрадовался:

— Вот здо́рово! Значит, здесь ночью были рецидивисты!

Папа пожал плечами:

— Совершенно загадочно. Эмалированный таз на месте, а умывальник пропал.

Валенка для чего-то потянулся к гвоздю, не достал до него и говорит:

— Похититель был высокого роста.

— С чего ты взял? — спрашиваю.

— С того, что достал умывальник, не влезая на табуретку.

— Откуда ты знаешь?

— А оттуда. Не видишь, таз стоит на месте?

— Ну, а если он его снял, а потом на место поставил?

— Сообразила, — говорит Валенка. — Станет тебе преступник еще порядки наводить!

— Ну, хорошо, — сказал папа. — Какого бы роста ни был похититель, а мыться всё-таки нужно. Несите воду и кружку. Будем поливать друг другу.

Но Валенка потребовал, чтобы мы не мылись на старом месте. Он и так был очень недоволен, что мы там стоим.

— Вы тут все следы затопчете, а потом попробуй разберись, где ваши, а где жуликов.

Мы с папой ушли в сторону, а Валенка сбегал к бабе Нике, принес от нее сантиметр и стал им вымерять что-то на земле под сосной, где висел умывальник. Потом priташил увеличительное стекло, которым выжигал всякие штуки на палках, опустился на колени и принялся ползать, что-то разглядывая на песке. В конце концов он нашел обгорелую спичку, поднялся и говорит:

— Так, понятно. Здесь был мужчина. Он был не один.

Можно было подумать, что это написано на спичке.

— Откуда ты это взял? — удивилась я.

Он посмотрел на меня, как на несмышленыша, и только вздохнул:

— Что был мужчина — ясно из размера следов, а что не один — из этой спички. Видишь, какой короткий конец остался: это значит, что прикуривало несколько человек.

Я не стала спорить, подумала: может быть и правда, шайка воров сперва покурила, а потом стащила наш

умывальник. Валенка еще долго ползал по траве, но нашел только Маргариткину пластмассовую ванночку и пуговицу, про которую тоже, наверное, сказал бы, что ее потеряли здесь преступники, если бы она не была точно такой, какие оторвались от пальто у самого Валенки и потерялись уже после нашего приезда на дачу.

Папа еле заставил его выпить кружку молока, потому что Валенка всё время куда-то рвался и доказывал, что разведчик не должен терять ни одной секунды.

После завтрака он сбегал за своим Нолькой. Они взяли Бума на поводок и дали ему понюхать землю под сосной, с которой исчез умывальник. Бумка пошмыгал, пошмыгал носом и сразу же куда-то потащил мальчиков. Я хотела бежать за ними, но папа сказал, что у нас и так дела хватит и что пускай пустяками занимаются Валенка и Нолька, а я должна быть умней.

Прошло, наверное, полчаса. Папа только уселся за свою машинку, а я принесла воду и хотела стирать сарафанчики кукле, как прибежал бледный Нолька. Губы у него трясутся, сам запыхался.

— Идемте, — говорит он папе, — вашего Валенку забрали в милицию.

— То есть как это в милицию, за что? — поднялся из-за стола папа.

— За то, что он украл умывальник, — продолжает Нолька, а сам дрожит.

Я сразу заревела, потому что испугалась, — а вдруг нашего Валенку посадят в тюрьму и я его больше никогда не увижу.

— Перестань, Шурик, помолчи! — прикрикнул на меня папа. — Дай разобраться. Что ты тут такое городишь, Ноля, кто украл, какой умывальник?

— Ваш умывальник...

— Наш умывальник украл Валенка? Ничего не понимаю!

— Ну да, он ваш, а может быть, и не ваш... Идите скорее, а то его в камеру засадят.

— Папа, пойдем скорее! — кричу я.

— Бог знает, что за дурацкая история! — воскликнул папа, хотя вообще-то и не верил в бога. — Придется идти... Что там еще такое...

Он пошел в комнату надевать брюки, а я скорей отрезала хлеба и сделала два бутерброда с колбасой, чтобы Валенка не умер с голоду, если его не выпустят из милиции. Тут я еще вспомнила про Бума и спрашиваю Нольку:

— А Бумку тоже забрали?

— Нет, — говорит Нолька. — Бума не посадили. Валенка его раньше отстегнул, и он куда-то сбежал. А поводок у Валенки.

Папа вышел в новых брюках. Он даже носки надел.

— Ну, пошли. Где находится милиция?

Нолька побежал нам показывать дорогу. Видно было, что он очень трусил. Мы с папой шли рядом, и я, на всякий случай, взяла его за руку.

— Постой, не беги. Рассказывай по порядку, как это случилось, — стал на ходу расспрашивать Нольку наш папа.

— Ну вот, значит, мы пошли за Бумкой, — с перерывами, чтобы успевать дышать, начал Нолька. — Он нас так тянул по следу, что мы еле за ним поспевали. А Валенка говорит, что он всегда знал, что Бум настоящая

ищейка, только у него не было случая показать себя... Ну вот, Бум привел нас на Озерную улицу, прямо к забору писательницы... Знаете, такая розовенькая с белым, очень красивая.

— Кто? — папа даже остановился от удивления. — Кто розовенькая с белым — писательница?

— Да нет, не писательница — дача ее. — Как ни тревожился Нолька по пути в милицию, а засмеялся, потом стал дальше рассказывать: — Ну вот, подтащил нас Бум к забору, а сам лает, скулит — в сад рвется. Валенка говорит: «Наверное, воры теперь в этом саду орудуют. Жаль, оружия у нас нет. Хорошо бы их тут всех захватить. Ну, ладно, полезем — выследим их потихоньку...» Бума он отстегнул, а тот сразу в лазейку под оградой. Ну, а мы с Валенкой — через верх. Забор там невысокий, вроде нашего... Перелезли мы, значит, и пробираемся потихоньку между кустов и деревьев, чтобы нас не заметили. Только прошли немного, Валенка как схватит меня за руку и шепчет в ухо: «Смотри, я не я буду, если Бум не мировая ищейка. Видал?!» Я посмотрел, и глазам не верю... Ну, честное пионерское — голубой ваш умывальник на стене сарайчика за садом висит! «Ага, попались! — говорит Валенка. — Значит, они его у нас украли, а сюда продали, чтобы следы замести... Что делать, в милицию пойти заявить, что ли?» А потом подумал и говорит: «Ничего мы заявлять не станем, а заберем свой умывальник — вот и всё. Пусть знают, как ворованное у жуликов покупать...» Он подошел к сарайчику, перевернул ведро, которое стояло у стены, залез на него и снял умывальник. Ну, тут мы назад, скорей к забору... Про Бума вспомнили, но громко звать его не стали. «Ладно, — говорит Валенка, — сам придет. Дорогу знает». Только мы к забору подбежали и хотели перелезать, как кто-то как завопит: «Караул, воры!.. Милиция, милиция, воры!..» Мы скорей на забор, но тут чувствую — меня за штаны схватили и держат. Так что я ни туда ни сюда двинуться не могу.

Смотрю, и Валенка с умывальником на заборе застрял. Стащили нас на землю, и видим — перед нами тетка старая в очках. Сердющая! Наверно, сама писательница, только почему-то в переднике клеенчатом. Валенку за шиворот держит, а сама как по радио орет: «Воры, воры забрались. Люди, на помощь!..» Валенка струсил, но сам ей в ответ кричит: «Это у нас жулики умывальник украли!» А писательница еще хуже стала кричать: «Ах, ты еще врать!.. Вот я сейчас возьму палку да отхлестаю тебя, тогда будешь знать, какой тут ваш умывальник!.. — и опять вопит: — Милиция, милиция!». За забором собралась толпа. Все нас с Валенкой ругают. Дядька в шляпе говорит: «Этого нельзя так спускать, чтобы с малых лет приучались... С пустяка всё начинается». А писательница разоряется: «Да мыслимое ли дело, то весло украли, а то ночью полгрядки клубники «Красавицы» очистили...» Валенка видит, что дело плохо, и как заревет: «Не брали мы никакой вашей красавицы, и весла нам не надо. У нас и лодки-то нет, а умывальник наш, наш, вот и всё!» Ну, тут его и повели в милицию, и толпа вся с нами идет, и еще мальчишки бегут. Валенка так и шагает с умывальником... А тут еще какая-то старушка: «Глядите, прилично одетый, поди, дачник... Вот до чего дошло...» Ну, а я потихоньку, потихоньку — и в толпу. Выбрался из нее и скорей к вам... Теперь придем, наверное, и меня заберут.

— Действительно, глупая история, — сказал папа. — Этого нам только и недоставало.

Тут мы дошли до милиции. Я, на всякий случай, папиной руки не выпускаю. Входим все трое в дом и видим: за барьером сидит у стола наш Валенка — лицо от слез мокрое. Напротив него милиционер что-то записывает. А на столе лежит наш умывальник. Тут же тетка высокая в очках стоит. Я сразу догадалась — писательница. А у барьера еще люди и мужчина с усами, в соломенной шляпе, про которого Нолька рассказывал.

— Вы про всё пишите, — требует писательница, — и про клубнику, и про то, что у нас давешнюю весну лопату унесли...

А Валенка ревет и сквозь слезы приговаривает:

— Никакой я не знаю лопаты... Нас весной тут и не было.

— Ты не реви, парень, разберемся, — говорит ему милиционер — и к писательнице: — А вы, гражданка, давайте только по существу дела.

Но тут Валенка увидел нас с папой и Нолькой и застыл с открытым ртом. А папа наклонился через барьер к милиционеру и сказал, кто он и зачем пришел.

— Это, значит, ваш мальчик? — спрашивает милиционер.

— Да, мой, товарищ дежурный, — кивнул папа. — Отрицать не приходится.

— Ну, хорошо, — сказал дежурный. — Я сейчас начальника позову.

Он встал и пошел в другую комнату за начальником, а писательница сразу как накинется на папу:

— И не совестно вам, гражданин? Сами инженеры, наверное, а детей распустили... Разбойниками растут, через чужие заборы лазают, людей грабют!.. — Тут она и Нольку узнала. — Вот и этот с ним заодно был. Самих родителей привлекать надо, да штрафы с них брать!

Папа говорит:

— Вы, пожалуйста, не горячитесь. Вы же не знаете, в чем тут дело.

Нолька поскорей стал за папу прятаться. Писательница еще что-то хотела сказать, но в это время пришел начальник милиции. Он велел Валенке успокоиться и рассказать всё как было.

Валенка заикается и слезы глотает, и начальнику всю историю рассказывает. Тут и Нолька осмелел и вышел из-за папиной спины.

— Мы, — говорит, — товарищ начальник, вместе с ним были, честное слово, он не обманывает.

— Так, — выслушав их, сказал начальник. — Понятно. И к писательнице: — А вы, гражданка, хозяйкой дачи являетесь?

А та говорит:

— Нет, я не хозяйка, я у них, у писательницы Валентины Осиповны, живу. В саду помогаю и за сторожиху.

Валенка посмотрел на нее снизу вверх, и даже слезы у него по щекам течь перестали. Видит, раз это не сама писательница, так уж не так и страшно.

— Верно всё это? — спрашивает начальник нашего папу. — Так они всё рассказывают? И про умывальник правда?

— Действительно, — говорит папа, — у нас ночью таинственно пропал умывальник. И действительно, насколько я помню, точно такой же голубой.

А сторожиха как закричит:

— Да вы что, гражданин, с ними заодно? Я этот умывальник сама в хозяйственной лавке у станции за семнадцать рублей покупала!

— Да я и не настаиваю, что это именно наш умывальник, — успокаивает ее папа. — Я только говорю, что очень похож на наш.

Тут усатый дяденька в соломенной шляпе вмешался.

— Да чего же, — говорит, — тут особенного. У нас

почитай, в каждом дворе такие умывальники. И все голубые... Других в нашей лавке уже три года, а то и больше, не продавали.

— Конечно, это недоразумение, — сказал папа начальнику. — Эти молодые люди книжек про диверсантов и разведчиков начитались. Ну вот, в результате подражания сыщикам, и перестарались.

Начальник милиции покачал головой и рассмеялся:

— А где же твоя ищейка, разведчик? Один поводок остался.

И все, кто был в милиции, засмеялись, будто обрадовались тому, что Валенка оказался не вором, а разведчиком.

Валенка увидел, что ему, наверно, сегодня в тюрьму не придется идти, вытер лицо рукавом и тоже стал улыбаться. А сторожиха перестала кричать и только свой умывальник оглядывает. Не испортил ли в нем что Валенка. Я, конечно, знала, где наш Бумка. У писательницы жила рыжая собачка Куська — хорошая Бумкина знакомая. Бум ее очень любил и как только вырывался с нашей территории — к ней в гости бегал. Ну, он и потащил Валенку и Нольку к лазу под писательским забором, а они думали, что это он их по следу воров ведет. Но я ничего не сказала, а то еще могли Бумку поймать и отдать собачникам.

— Ну, ладно, протокола мы продолжать не будем и этого вашего горе-следопыта отпустим, — сказал папе начальник. — А вы уж его своей властью домашнему аресту, что ли, подвергните, чтобы в другой раз через чужие заборы не лазил.

— Примем надлежащие меры, — кивнул папа начальнику и пожал ему руку. Дежурный милиционер тут же разорвал и бросил в корзинку бумагу, на которой всё про Валенку записывал. Тогда все, кто с Валенкой в милицию пришел, стали расходиться и так смеялись, что можно было подумать — посмотрели кинокомедию.

Ну и мы отправились домой. По дороге Валенка сперва

молчал, а потом видит, что папа его не ругает, осмелел и говорит:

— А если она наврала, эта сторожиха, и это всё-таки наш умывальник? Может, они заодно с ворами действуют?!

Но тут папа рассердился.

— Слушай, умолкни, пожалуйста, Шерлок Холмс новоявленный, — сказал он. — И так с тобой позор на весь поселок. Прямо стыд... И вот что... Если я у тебя еще хоть одну книгу про шпионов увижу, я ее тут же выброшу, а ты перед библиотекой как хочешь отвечай. Тебе пора Тургенева читать, а ты всё разной чепухой увлекаешься.

Валенка сразу умолк и до самого дома больше ни слова не проронил, потому что знал — в таких случаях с папой лишнего лучше не болтать.

Пришли все домой, и папа сразу же, не снимая хороших брюк, сел за машинку и велел ему не мешать, сказал, что он и так достаточно времени потерял на этот поход за Валенкой.

А умывальник наш на другое утро, откуда ни возьмись, на месте оказался. Сперва мы ничего понять не могли, и Валенка решил, что, наверно, ворам стыдно стало и они ночью умывальник назад принесли. Но потом пришел Нолька, и всё стало ясно. Оказывается, вчера, когда уже стемнело, мальчики в войну играли. Борька Скутальковский был главным командиром и другим сигналы подавал. Он-то и снял наш умывальник и стучал в него — боевую тревогу объявлял. А потом, когда кончили играть, он спутал и повесил умывальник на сосну возле домика, где жили Чики. Там тоже гвоздь был вбит. Ну а Валенка ничего этого не знал, вот и побежал в погоню за ворами. Вечером Борька потихоньку, чтобы ему не попало, наш умывальник принес и повесил на место.

Когда папе всё это рассказали, он даже рассмеялся, а Валенка обрадовался и говорит:

— Всё-таки я правильно определил, что преступник был высокого роста!

Но тут папа на него так посмотрел, что Валенка сразу же замолчал и в тарелку носом уткнулся.

Ну, а насчет Бумки, так он еще к обеду как ни в чем не бывало вернулся. Всех обнюхал. Видит — все дома, всё в порядке, и преспокойненько улегся в тени, высунув язык и вытянув ноги. Видно, он здóрово набегался и решил отдохнуть. Ему и дела было мало, что из-за него произошло. Он и до сих пор не знает, сколько в этот день нам всем хлопот доставил.

А ВРЕМЯ ВСЁ-ТАКИ ИДЕТ

Прошла неделя, как мы жили одни втроем с папой, и мы уже, кажется, ко всему привыкли.

Между прочим, хотя у нас теперь часто не бывало супу и компот мы тоже не варили, а мамины пирожки и ватрушки я только во сне и видела, — денег у нас уходило куда больше, чем у мамы.

— Ничего не понимаю, что за прорва? — удивлялся папа.

Он послал меня к бабе Нике и велел принести от нее счеты, которые, конечно, баба Ника возила с собой на дачу. По вечерам, когда Маргаритка уже спала, баба Ника садилась у окна, что-то отсчитывала и записывала в школьную тетрадку.

Я принесла счеты. Они были такие маленькие и аккуратные, что так и хотелось поиграть в кассиршу. Папа взял их, уселся на стол на веранде и тоже стал что-то считать и отмечать самопишущим пером на бумажке.

Он долго стучал колесиками на счетах, быстро записывал и поминутно смотрел на облезлый потолок веранды. Но, наверное, ничего там не увидел, потому что в конце концов

всё перечеркнул, а счеты поднял и, тряхнув ими, смешал все колесики. Потом он положил счеты и сказал:

— Совершенно не понимаю, как это мама укладывалась? У нас с тобой, Шурик, неизвестно куда ушла уйма денег.

Я ничего не сказала, только вздохнула. Что же мне было говорить? Ведь ни я, ни Валенка еще ничего не зарабатывали, а папа из-за нас тоже сидел дома, да еще почти не находил времени для работы. Но тут папа посмотрел в мою сторону, улыбнулся и подмигнул мне:

— Ничего, Шурик, с голоду не помрем! Придется съездить в город и затронуть некоторые сбережения.

Он еще сказал, что нам предстоят кое-какие расходы, потому что к приезду мамы всё надо привести в идеальный порядок и тут без расходов не обойтись.

К этому времени случилась еще одна печальная история. В нашем доме вдруг всё сделалось грязным. Не подумайте, я не о посуде говорю. Посуду мы с папой мыли вместе, а Валенку от этого занятия освободили. Он бы иначе обязательно что-нибудь себе в помощь изобрел и перебил бы последние тарелки и чашки.

У нашего Валенки это очень даже здóрово выходило, — что ему ни поручат — он так сделает, что лучше его ни о чем не просить.

Ну, например, пошлет мама Валенку за булкой, — он обязательно забудет сумку взять и принесет батон с чернильными печатями от своих пальцев. Или заставят его ботики под краном мыть — он такую пачкотню разведет, что мама после него кухню дольше, чем он боты мыл, убирает.

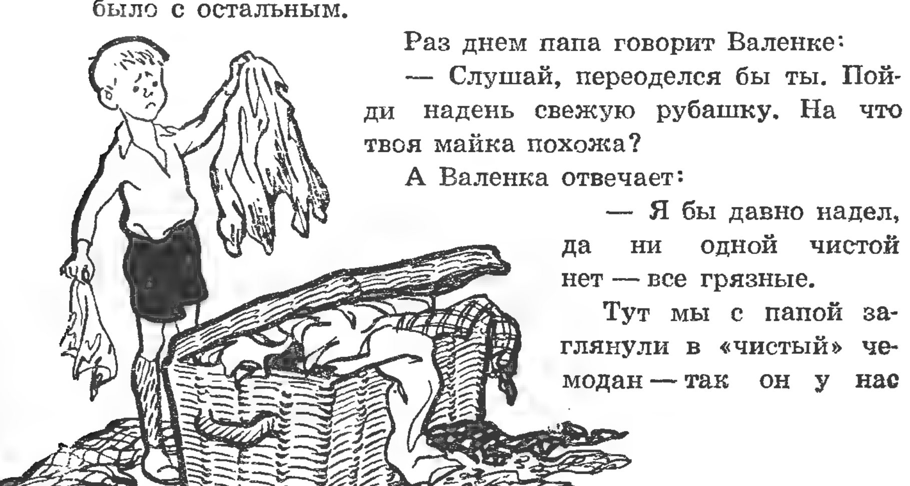
Так и на даче было. Скажут Валенке, что нужно веранду подмести, — он так постарается, что потом песок, как на пляже, под ногами хрустит.

Вот и приучил всех к тому, что он всё очень плохо делает и лучше от него ничего не требовать. А ему от этого

только хорошо. В городе и с Бумкой я больше гуляю, и Курнаве песок ношу. На даче тоже папе во всем помогаю. А Валенка весь день где-то носится, и ему нисколечки не стыдно, даже очень рад. Если его о чем-нибудь попросят, он вздохнет и посмотрит так, будто говорит глазами: «Пожалуйста, не заставляйте меня, а то, вы же знаете, я обязательно всё плохо сделаю и вам же хуже будет». Папа, и правда, думает, что от него всё равно толку мало, постыдит его и отпустит. А Валенке только этого и нужно. Он убежит подальше и играет в пинг-понг с Борькой и Нолькой. Как будто мне меньше его играть в пинг-понг хочется.

С утра Валенка по двору гоняет, а мы с папой посуду моем. Хотя, честно говоря, много нам теперь посуды мыть не приходится. Мелкие тарелки у нас все чистыми в шкафчике стоят, а суп и второе мы из глубоких едим. Сперва съедим первое, а потом на его место сардельки с макаронами, или что там у нас... Папа сказал, что так проще и экономичнее, по крайней мере мы с Валенкой суп до конца съедаем. Но, конечно, он это говорил только потому, что не хотел лишней посуды мыть. Раньше, когда хозяйством заведовала мама, он говорил, что есть из одной тарелки не по-человечески.

В общем, посуда у нас с утра была чистой. Куда хуже было с остальным.

Раз днем папа говорит Валенке:

— Слушай, переоделся бы ты. Пойди надень свежую рубашку. На что твоя майка похожа?

А Валенка отвечает:

— Я бы давно надел, да ни одной чистой нет — все грязные.

Тут мы с папой заглянули в «чистый» чемодан — так он у нас

назывался, и увидели, что в нем совсем пусто. Зато корзинка, в которой лежало грязное белье, была до того набита, что и не закрывалась. Оказалось, не только у Валенки, но и у меня и у папы ничего чистого не осталось. И полотенца, которые висели на гвоздиках, были последними, и скатерть, которую мы два дня назад на стол постелили, уже вся в разноцветных пятнах была. Особенно, конечно, там, где Валенка сидел.

— Вот так задача,— вздохнул папа.— Я ведь это как-то упустил. Оказывается, всё нужно регулярно стирать, иначе мы погибнем.

Валенка поскорей говорит:

— Я бы стал стирать, да не умею.

Папа даже прикрикнул на него:

— Помолчи ты хоть немного! Кто не знает, что ты ничего не умеешь!..

Тут еще, как раз в этот день, у нашего папы случилась беда. Утром он проснулся чуть свет, взял в кровать бумаги, которые вчера печатал, и стал на них что-то поправлять и вычеркивать. Потом он задумался, а самопишущее перо рядом с собой положил и забыл про него. А перо у него текло, и вдруг папа видит: на новенькой чистой простыне, которую он только вчера постелил, — круглое чернильное пятно. Папа испугался не меньше, чем мы с Валенкой, когда что-нибудь натворим. Он вскочил, стал бегать босиком по комнате.

— Вот, будь оно неладно, это паршивое перо!.. Ну, теперь мне и нагорит от мамы!..

Я хотела его успокоить и говорю:

— Папа, эти чернила отстирываются, я знаю.

Он, не веря, посмотрел на меня:

— Ты думаешь?! Тогда скорей неси в чем-нибудь воды и мыло тащи... Попробуем спасти простыню.

Я принесла воду в эмалированной миске. Папа сунул в нее кусок простыни, который был запачкан, и стал на-

тирать туалетным мылом «Ягодка». Но от этой стирки только еще хуже получилось. Раньше пятно было не больше хорошей чернильной кляксы, если ее раздавишь между страницами тетради, а теперь оно вдруг как поползло во все стороны и сделалось в середине синее, а по краям голубыми разводами. Папа спохватился и давай скорей отжимать воду. Но море всё шире расплывалось, не остановишь. Тогда папа закричал:

— Шурик, Валенка! Скорей ножницы, не то мы всю простыню погубим!

А Валенка стоит на кровати, смотрит, как интересно чернила расползаются, и плечами пожимает.

— Я не знаю, где у нас ножницы. Они давно потерялись.

Но ножницы у него же под кроватью нашлись. Папа схватил их и давай скорей вырезать из простыни место, которое чернилами заплыло. Он вырезал порядочный кусок и говорит:

— Ну, вот. По крайней мере этим смелым хирургическим вмешательством мы спасли здоровую часть простыни, а кусочек можно и новый вставить, почти незаметно будет.

Тут и Валенка вмешался:

— Можно было бы и не вырезать, — говорит. — Можно было побольше еще помочить и всю простыню голубой сделать. Очень даже было бы красиво — голубая простыня.

Но папа на его глупые слова не стал обращать внимания. Он сходил и выбросил в грязное ведро чернильный кусок, а потом вернулся и долго смотрел на вырез в простыне. Затем вздохнул и сказал:

— Жаль, Шурик, что здесь нет ателье бытового обслуживания, как у нас на Петроградской. Оно бы и на даче было очень кстати.

Когда папа узнал, что у нас всё белье стало грязным, он очень рассердился, что на даче нет приема в механическую стирку.

— Удивляюсь, — говорил папа, — как будто люди в чистом только в городе должны ходить!

В эти дни папа то и дело бегал консультироваться с бабой Никой, но стирать сам он, конечно, не мог, тут бы и консультация не помогла, и тогда он сказал:

— Придется найти женщину, заплатить ей как следует и попросить всё выстирать. Для умелой женщины это пустяки.

Папа отправился к Чикам, спросить их бабушку, не знает ли она тут поблизости женщины, которая могла бы нам помочь. Но знакомой женщины ни у Чиков, ни у других соседей не отыскалось. Правда, пришла одна маленькая старушка, посмотрела на корзину с бельем и сказала, что белье хорошее и она бы его с радостью постирала, да у нее нет сил... Вот если бы скинуть ей годков двадцать... Она еще рассказала, что работала раньше в доме отдыха, а теперь на пенсии, и что у нее сын — майор в Киеве, а дочка в Оренбурге, и они ей помогают и шлют письма, а внучки прислали открытки с картинками, и что она скоро поедет погостить к внучкам в Киев.

Старушка ушла, а папа пожал плечами и сказал:

— Совершенно непонятно, зачем она приходила.

Потом еще приходила молодая тетка в сапогах на босу ногу. Ее прислала комендантша. Тетка тоже посмотрела, что нужно стирать, и сказала, что может прийти завтра. Она велела нагреть побольше воды и купить мыла и стирального порошка. Папа очень обрадовался и сказал, что всё будет сделано, пусть тетка не беспокоится.

Мы купили четыре куска ядрового мыла и две пачки

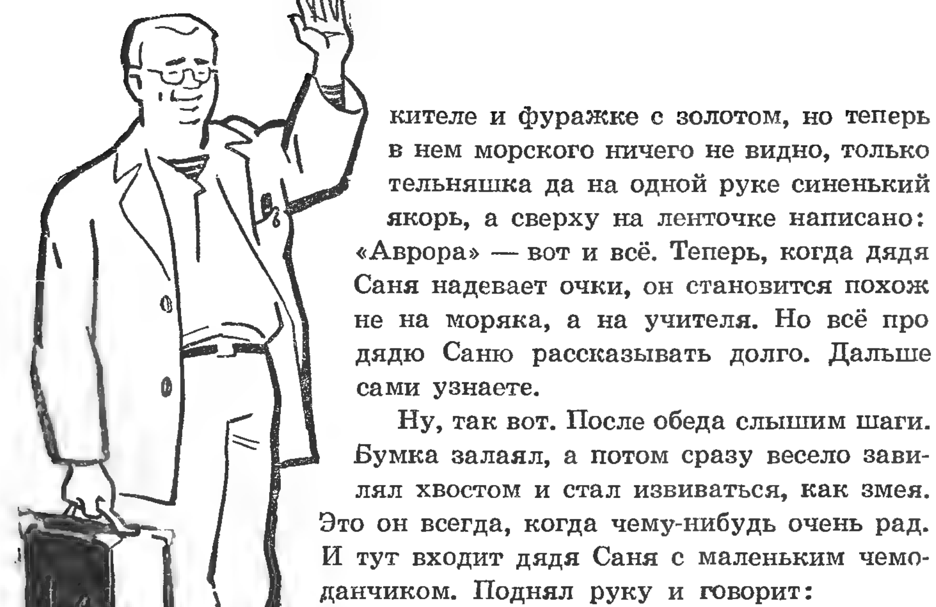
порошка «Снежинка». Папа встал пораньше и натаскал воды. Он налил ее всюду, куда только можно было налить. Мы поставили греть воду и на примус, и на керогаз, и еще на бабыникину керосинку и стали ждать тетку. Но она так и не пришла, а явилась комендантша и сказала, что тетка уехала в город и приедет завтра, если управится за день в городе.

Тогда папа поснимал с огня воду и сам стал собираться в город. Потому что, во-первых, у нас уже не было ни копейки денег, а во-вторых, он должен был обязательно побывать в своем институте. Папа сходил к бабе Нике и попросил приглянуть за нами, пока его не будет. Потом он надел пиджак и летнюю шляпу, взял портфель и сразу сделался не дачным папой, а городским. На прощанье папа поцеловал нас, сказал Валенке, чтобы он вел себя как порядочный человек, погладил Бумку и ушел на станцию.

ДЯДЯ САНЯ

Вы еще не знаете, кто такой дядя Саня? Это очень старый папин товарищ. Они с папой дружили, еще когда нас с Валенкой на свете не было, и так давно, что папа еще не знал, что на свете есть наша мама. Вот какой ужас!

Дядя Саня всегда, и зимой и летом, появляется тогда, когда его никто и не ждет. Потому что он всегда куда-то уезжает. То с экспедицией в далекие горы идет, то на Камчатку улетает, а раз даже был на Северном полюсе. Когда он возвращается, все ему бывают очень рады, и особенно мы с Валенкой. От дяди Сани за день можно столько узнать, что и в школе за год не узнаешь. Дядя Саня работает в газете. Может быть, вы читали его статьи? Он и для детей иногда пишет. А вообще-то он был раньше моряком и даже водолазом. Но, наверное, это было давно, потому что хотя у папы есть фотография, где дядя Саня снят в морском

кителе и фуражке с золотом, но теперь в нем морского ничего не видно, только тельняшка да на одной руке синенький якорь, а сверху на ленточке написано: «Аврора» — вот и всё. Теперь, когда дядя Саня надевает очки, он становится похож не на моряка, а на учителя. Но всё про дядю Саню рассказывать долго. Дальше сами узнаете.

Ну, так вот. После обеда слышим шаги. Бумка залаял, а потом сразу весело завилял хвостом и стал извиваться, как змея. Это он всегда, когда чему-нибудь очень рад. И тут входит дядя Саня с маленьким чемоданчиком. Поднял руку и говорит:

— Здравствуйте! Вот я и прибыл. Не ждали?

Мы обрадовались — и к нему навстречу.

— Здравствуйте, дядя Саня! Здóрово, что вы приехали! Только никого дома нету.

— Как же так нет? — говорит дядя Саня. — А вы на что же?

— Нет, — объясняем. — Взрослых нет никого.

— Ну, это я знаю. Я вашего папу всего часа три назад видел. Его в институте задержали. У них там испытание новых приборов будет происходить, и вашему папе необходимо остаться. Ну, а как вы тут живете одни, без мамы?

— А очень даже просто, — заявляет Валенка и давай поскорей, чтобы быть первым, про все наши дела рассказывать. И я, конечно, не отстаю и вперед забегаю, чтобы дядя Саня не всё от Валенки узнал. Но дядя Саня скомандовал нам:

— Тише! Прекратить галдеж!.. Всё понятно без слов. —

Он осмотрел нас с ног до головы и спрашивает: — А почему вы такие замурзанные? Как кочегары с вахты!

Валенка свистнул и радостно сообщает:

— Ясно почему. У нас всё уже давно грязное и стирать совершенно некому, и прачечной тут нет.

Я рассказала, что папа нашел женщину, которая обещала всё постирать, но она не пришла, и теперь никто не знает, придет ли завтра.

— Что это еще за женщина? — удивился дядя Саня. — А вы что за личности такие, что сами себя в чистоте держать не можете?

Тут дядя Саня поставил свой чемоданчик, повесил на гвоздик кепку и пошел оглядывать всю нашу половину. Потом говорит:

— Почему это у вас пол такой, будто тут кони топтались? Почему тарелки немытые стоят? Очень, наверное, мух любите, хотите их побольше развести. — Он заглянул на кухню, увидел наши сковороды и кастрюли и головой покачал: — За такое состояние камбуза на хорошем корабле кока бы за борт выкинули и спасать не стали. И вам не стыдно, что у вас кухонная аппаратура в таком виде?

Валенка открыл рот и начал:

— А папа...

Но дядя Саня так строго на него посмотрел, что тот сразу замолк. А дядя Саня продолжает:

— Что папа? При чем тут папа? Твой папа что — не работает?

— Работает, — буркнул Валенка.

— Так. Ну а ты что сегодня полезного за день сделал?

Валенка покраснел и помалкивает. И я тоже молчу. Ведь и правда, можно было давно и пол подмести, и посуду вымыть.

— А ну, — спрашивает дядя Саня, — есть у вас большой мешок?

— Зачем, дядя Саня? — удивился Валенка.

— Узнаешь.

— Есть, есть! — Я побежала в кладовую и принесла мешок, в котором мы из города разное хозяйство везли. Дядя Саня осмотрел мешок.

— Добро, —сказал. — Подходит. А ну, помогать мне!

И тут он ни с того ни с сего стал складывать в мешок все наши кастрюли, сковородки и другую посуду, будто собирался их на лом сдавать.

Валенке понравилось. Он в мешок и бабынькину керосинку хотел сунуть, но дядя Саня остановил его.

— Усердие должно быть в меру, друг, — сказал он.

И пяти минут, наверное, не прошло, как наш мешок был набит посудой. Дядя Саня снял пиджак, повесил его на гвоздь и взвалил мешок на спину.

— Закрывайте дачу! Пошли!

— Куда, дядя Саня? — спрашивает Валенка.

— На речку.

— Купаться?

— Нет. Работать.

— Ну, всё равно, пошли, — согласился Валенка.

По дороге выяснилось, что с нами за компанию и Бум увязался. Ну что было делать? Не гнать же его.

Пришли. На берегу — не то что днем — сейчас почти никого и нет, а вода, как в стакане, прозрачная. Дядя Саня скинул мешок, аккуратно вытряхнул из него посуду и скомандовал:

— А теперь драить всю эту музыку с песочком! Да как следует. Как нас боцман Вавилыч на корабле драить медяшки учил, чтобы в каждую можно было как в зеркало глядеться... Учтите — плохая работа принята не будет... Кто не умеет — может посмотреть, поучиться.

Он взял алюминиевую сковородку, на которой было столько копоти, что трудно было догадаться, что она алюминиевая, присел на корточки да начал ее быстро-быстро

песком тереть. Мы смотрим — наша сковородка светлей, светлей... и засияла, как солнце.

Валенка расхрабрился:

— Я тоже так могу!

И взялся за чистку, да так стал тереть, что можно было подумать, решил дырку на дне кастрюли сделать. Но всё равно, как Валенка ни пыхтел, а сначала у него плохо получалось. Он всё на дядю Саню посматривал, а потом вижу, и у него кастрюлька засверкала. Валенка сразу же завоображал и кричит мне:

— Вызываю на соревнование, кто лучше начистит!

Я ничего не сказала, а только заметила, что тут вовсе не надо особенно силу напрягать, а лучше полегче и кружком, кружком... Так у нас и пошло дело. А скрежет стоит — со стороны послушать — фабрика работает. Бумка тут же. Сидит, вычищенную посуду стережет и мух на лету ловит. Дядя Саня командует:

— Не торопиться! Старательней! Технический контроль строгий будет.

Солнце еще не коснулось горы, за которую заходило, а мы уже закончили работу. На сковороды и кастрюли весело было смотреть. Они стали, как новенькие.

— Я в кинохронике завод-автомат видел. Там машины так же сверкают, — заявил Валенка.

— Теперь, — сказал дядя Саня, — я думаю, и выкупаться не вредно.

Мы выкупались сами, выкупали Бума, потом сложили кастрюли в мешок и собрались домой. Валенка и тут хотел отличиться, выскочил:

— Давайте я понесу, дядя Саня.

Но дядя Саня не согласился:

— Думаю, для тебя тяжеловато будет.

— Так они же легче стали, — говорит Валенка.

— Это верно, не меньше чем в два раза, — согласился дядя Саня. Но всё-таки нести мешок Валенке не дал. Он взвалил поклажу себе на плечи, и мы пошли домой. Впереди мокрый Бумка с задранным вверх уже просохшим хвостом, за ним мы с Валенкой. Последним дядя Саня с мешком, который позвякивал и гремел на каждом его шагу.

ДЯДЯ САНЯ И ВСЕ МЫ

Валенка говорит про дядю Саню, что он «хороший парень».

Конечно, такое может придумать только Валенка, потому что какой же дядя Саня парень, если у него, когда он не бреется, борода седым ежиком растет. Но отчасти Валенка всё-таки прав. Все другие взрослые нет-нет да и скажут, что они взрослые и их надо во всем слушать. А дядя Саня этого никогда не говорит. Будто он такой же, как и мы, только просто больше повидал разного на свете, и поэтому его стоит послушать.

Вечером в тот день, когда приехал дядя Саня, как зашло солнце, к нашему домику собрались все ребята. И Танечка пришла, и Чики — Лина и Зина, и, конечно, Нолька. Даже Борька от скуки явился. Все нас после обеда потеряли и пришли спрашивать, куда мы девались.

Дядя Саня со всеми за руку поздоровался и всем сказал, что он дядя Саня. Он ушел в дом, а мы все сидели и смотрели друг на друга. Тогда дядя Саня вернулся, посмотрел на нас и говорит:

— Что это у вас за интересный разговор? Если уж вести беседу, так лучше у костра. Давайте костер вон на той поляне разложим.

Все обрадовались, а Чики вскочили с места и в ладоши захлопали:

— Давайте, давайте!..

— Ну так собирать хворост, сучья, шишки!

Было еще не очень темно, и мы быстро набрали целую кучу всякой суши для костра. Дядя Саня сложил сучья пирамидкой, потом надел очки и разжег костер.

Мы все уселись возле огня и даже пожалели, что уже нет комаров. Вот бы они позлились, что не могут подлететь и покусать нас!

Вдруг дядя Саня говорит:

— Что же это за костер без картошки? — и спрашивает меня: — Шуренок, есть там у вас немного сырой картошки?

Все повскакивали со своих мест:

— У нас есть! У нас!..

Слетали домой, притащили кто сколько мог картофелин, сложили всё перед дядей Саней и ждем, что дальше будет. Тогда он говорит:

— Теперь бы еще железную коробку какую-нибудь, да побольше.

Валенка встрепенулся:

— Я найду, дядя Саня! Пошли, Нолька!

И убежали. Я боялась, чтобы они опять умывальник не принесли. Но они и в самом деле нашли какой-то железный ящичек и к нему еще кусок жести вместо крышки. Дядя Саня всё это внимательно осмотрел и сказал:

— Отличная будет духовка. Сейчас мы такую картошку приготовим, что объедение и наслаждение, первостатейный

деликатес, пальчики оближете! Нужно еще только воды и соли. Принеси воды, Борис, а ты, Шурик, соли. Я видел там у вас крупная есть.

Борька Скутальковский посмотрел на всех так, словно подумывал, стоит ли ему за водой идти, но всё-таки поднялся и скоро притащил полное ведро воды и поставил его перед дядей Саней.

Я за это время сбегала за солью и принесла всю, что у нас была, вместе с деревянным ларцом.

Дядя Саня стал мыть картошку и велел мне ему помогать. Потом он солил каждую мокрую картофелину и аккуратно укладывал в железный ящичек. Ящичек дядя Саня прикрыл жестяным листом и сунул его в костер, а затем обложил со всех сторон сучьями, которые уже превратились в раскаленные угли.

— Есть способ картошку в золе печь, но то слишком просто, а мы другой, похитрей, применим, — сказал дядя Саня.

Мы сидели и молча следили за тем, что он делал. И так хорошо было! Вокруг всё сперва стало синим-синим, а потом по всему небу звездочки рассыпались.

Хворост в костре постреливает, и дым в носу щекочет. Бум пришел, улегся рядом со мной и тоже на огонь глядит, а в глазах его маленькие костерчики горят.

— Вот когда я был пионером, — сказал дядя Саня, — мы в лагерях ни одного вечера без костра не проводили.

Все посмотрели сперва на дядю Саню, а потом друг на друга, потому что очень удивились тому, что дядя Саня был пионером. Но никто ничего не сказал, а дядя Саня продолжал:

— Давно это, друзья, было. Ленинград тогда еще Петроградом назывался. В те годы, кроме пионеров, еще бойскауты были. Ходили в коротких штанах и ковбойских шляпах, вот с этакими полями, — дядя Саня широко обвел вокруг головы. — А в руках у всех длинные палки, будто

Бойскаут

собираются в Ленинграде по горам, которых нет, лазить. Одеты все чистенько... Ботинки что надо! Не то что у нас — рвань. Тогда еще много разных торговцев и всяких частных фабрикантов было, а это их деточки... Но у нас хоть и не было палок, а мы их здо́рово лупили, этих маменькиных бойскаутов. Они ведь только прикидывались сильными, а сами ничего делать не умели.

— А куда же они подевались, эти бойскауты? — спрашивает Нолька.

— Да никуда. Как стало пионеров побольше, так они и сгинули.

— Здо́рово! — воскликнул Валенка и громко рассмеялся.

Дядя Саня о чем-то подумал, потом улыбнулся и сказал:

— Песня у нас, пионеров, тогда хорошая про картошку была. Не знаете ее?

— Я по радио слышал, — сказал Нолька.

А мы все закричали:

— Спойте, дядя Саня!.. Спойте, спойте!

Дядя Саня засмущался и закашлялся.

— Да у меня, ребята, ни голоса, ни слуха... Ну да ладно... Только — условие: всем подпевать!

И запел. А сам улыбается, такой веселый стал и, правда, на пионера сделался похож.

Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка,
Пионеров идеал-ал-ал.
Тот не знает наслажденья-денья-денья,
Кто картошки не едал-дал-дал.

И мы все дружно подпеваем: «Дал-дал...» Дядя Саня дальше:

Дым костра, углей сиянье-янье-янье,
Серый пепел и зола-ла-ла.
Дразнит наше обонянье-нянье-нянье
Вкус картошки у костра-ра-ра...

Так распелись, что и в самом деле картошки захотелось. Даже Борька Скутальковский забыл, что он нам уже не компания, и вовсю с нами пел. В воздухе прохладно сделалось, а от костра теплом веет и красные языки пламени змейками в ночи вьются.

— Ну, конечно, пионеров идеал уже готов, — сказал дядя Саня и стал палкой разгребать костер. Он высвободил железный ящик, подвинул его к себе и сбросил крышку.

— Ахалай-махалай! Отлично фокус удался! — воскликнул дядя Саня. — Смотрите, какое волшебство! — И он, стараясь не обжечься, стал ловко выхватывать из своей духовки одну за другой картофелины и кидать их на траву. Мы посмотрели на картошку и ахнули. Ну, прямо как в сказке! Каждая будто маленькими драгоценными камешками усыпана, и они от огней костра так и сверкают.

— Спокойно! — предупредил дядя Саня. — Пусть немного поостынет. Думаете, что за чудеса? Это соль кристалликами выступила. Попробуете — увидите, что за объедение.

У нас слюни текут, дождаться не можем, хотя и все дома ужинали. Наконец дядя Саня командует:

— Теперь разбирать! Не жадничать, по одной! Не обжигаться!

Попробовала я — вкуснота!.. Ну, честное пионерское, получше всяких апельсинов. Шкурка хрустит, соль язык щиплет... Так нам эта картошка с кристалликами понра-

вилась, что мы умолкли, — слышно было лишь почавкивание. А костер наш тем временем уже догорел.

Валенка говорит:

— Давайте до утра жарить. Мы с Нолькой картошки найдем.

Но дядя Саня головой покачал:

— Хорошего помаленьку. Другой раз соберемся, еще испечем. — Потом помолчал и сказал: — Компания, как я посмотрю, у вас тут хорошая подобралась, а чем занимаетесь?

Лина Чик рассмеялась и говорит:

— Чем же нам заниматься? Играем...

— А во что?

— Во что придется, — отвечаем, — в казаки-разбойники, в партизан...

— Девчонки в «мамы-папы»! — крикнул Нолька.

— И всё? — спрашивает дядя Саня.

— А во что же еще?

Но Борька Скутальковский перебил нас:

— Это они. Я не играю.

— А ты что делаешь?

— Ну, я в пинг-понг, в волейбол...

— Ага, тоже, значит, только играешь?

— А что же делать на даче?

— Тебе сколько лет? — спрашивает дядя Саня.

— Тринадцать — четырнадцатый.

— Немало, — сказал дядя Саня. — А что бы дырку в заборе заделать и калитку наладить? Она у вас еле отворяется. Не умеешь, наверное?

Валенка с Нолькой тут как тут:

— Мы, дядя Саня, мы умеем, только у нас топора и пилы нету.

А Борька на них:

— Молчите, вы. Я бы давно всё сделал, если бы инструменты были.

— Ладно, — говорит дядя Саня. — Я тебе завтра отыщу инструменты. Посмотрим, что у тебя выйдет. В школе вас плотничать учили?

— А чему тут учиться? Подумаешь, доску прибить...

Валенка и Нолька опять за свое:

— Мы умеем, дядя Саня. Что хотите, сделаем!

— Отлично, — согласился дядя Саня. — Вам тоже найдется дело.

Тут Чиков стали звать спать и всем остальным пришло время собираться по домам. Дядя Саня загасил огонь и сказал:

— Вот что, друзья. Кто завтра в хорошую игру хочет играть, пусть утром к нам приходит.

— А какая игра будет? — спрашивают ребята.

— Очень интересная. Завтра увидите, — отвечает дядя Саня.

Наш костер совсем потух. Красных угольков больше не было видно. И хоть не хотелось расходиться, а пришлось. Я никогда не забуду этот вечер. И вкус картошки, которую мы в костре с дядей Саней пекли, тоже всегда буду помнить.

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

Утром, еще сквозь сон, я услышала:

— Подъем, подъем!

Это нас будил дядя Саня. Он стоял посреди комнаты уже одетый, с засученными рукавами и с палкой.

— Который час, дядя Саня? — спросил, продирая глаза, Валенка.

— Шесть часов. Пора вставать.

— Зачем в такую рань? — удивленно моргая, Валенка присел на кровати.

— Есть дело. Одевайтесь.

Я скинула простыню — и скорей натягивать платье.

— Берите тару. Пойдем по грибы, — сказал дядя Саня, когда мы вымылись.

— Надо резиновые сапоги, а у нас нету, — говорит Валенка. — Трава мокрая...

— Не надо. Пойдем босиком. Ночь была теплая.

Валенке это понравилось. Он с удовольствием пнул свои сандалии под кровать и заявил:

— Компас бы хорошо, чтобы не заблудиться в лесу.

— Будь спокоен, не заблудишься, — говорит дядя Саня. — Берите ножи. Грибы полагается не рвать, а срезать, чтобы нити не нарушить. Только сами не порежьтесь, смотрите.

Я взяла корзиночку, Валенка приспособил коробку из-под маминых туфель, а дядя Саня понес базарную плетенку. Мы вышли из дома. На нашей территории ни души. Даже баба Ника с Маргариткой еще спят.

— Далеко пойдем, дядя Саня? — спрашивает Валенка.

— Не очень. За мной! — скомандовал дядя Саня.

Вот тебе и на! — он повел нас не на улицу, а в глубь нашей же дачной территории. Мы прошли шагов двадцать. Он говорит:

— Вот вам и лес. Собирайте грибы.

Валенка подумал, что дядя Саня шутит, и даже рассмеялся.

— Какой же это лес, какие тут грибы?

— Самый обыкновенный лес, смешанный. Видишь, сосны, березы, ели. И можно сказать, необитаемый, потому что вы здесь даже не играете. Ну вот, раз есть лес, то должны быть и грибы.

Я говорю:

— Мы с Танечкой искали. Здесь, кроме лисичек, ничего нет.

— Плохо искали, — сказал дядя Саня. — Смотри сюда. — Он ткнул палкой в траву под березой, где мы стояли. Я взглянула, и в самом деле, гриб, да еще и не один. Откуда они только взялись?!

— Здóрово же вы с твоей Танькой искали! — захохотал Валенка.

— А ты-то...

— Очень мне нужно было.

— Вы, наверное, днем их искали, — говорит дядя Саня. — Днем грибы от дачников прячутся, а собирать их надо в самую рань, и хорошо после дождичка, как сегодня. Тогда они сами просятся, чтобы их срезали... Ну, расходись и за дело.

Мы разбрелись в разные стороны. И, подумайте, никогда бы не поверила, оказывается, грибы у нас под самым носом росли. Пришлось мне, конечно, понагибаться и поискать, но всё же — не знаю, сколько времени прошло, — я полную мою ягодную корзиночку набрала и в подол платья собирать начала. Тут дядя Саня стал нас скликать. Подошли мы к нему и видим — у него плетенка наполовину грибами полна.

— Смотрите, — говорит дядя Саня. — Вот три толстяка-боровика вместе срослись. Почти у самой дачи нашел.

— И у меня большие есть, — говорю. — Видите, какие!

Валенка как захохочет.

— Да они все, как мишень, простреляные.

— Ну и что, — говорю. — Это сыроежки. Их улитки едят. А вот свинушки.

— Сама-то ты свинушка... поганки, — смеется Валенка. — Ты бы еще мухоморов набрала. Лучше маленькие собирать, да хорошие. Смотрите, что за красота!

При этом он открыл свою коробку. Она была доверху наполнена светленькими грибами.

— Опеночки. Целыми десятками растут. Только найди, — хвастается Валенка.

Дядя Саня взял его коробку, присел на корточки, да как стал Валенкину красоту на траву выкидывать.

— Вот это, — говорит, — действительно поганки. Они хоть и хорошенькие, да ядовитые. Видишь, какая ножка мокрая.

Не прошло и минуты — в Валенкиной коробке грибов только на дне и осталось. У него уже и глаза заблестели, — сейчас разревется. Но тут дядя Саня сказал:

— Ничего, для начала неплохо. А вообще будем считать нашу добычу общей. Главное, что грибы не покупные. Такие в десять раз вкусней. — С этими словами он ссыпал Валенкины грибы в плетенку, мои тоже осмотрел, некоторые выбросил, а потом говорит:

— Думаю, на грибницу хватит... Можешь ты, Шуренок, сварить грибной суп?

«Вот тебе и раз! — подумала я. — В жизни грибного супа не варила. И в школе нас, конечно, этому не учили. Знали, что у всех есть мамы и они всегда сварят всё, что надо. Но я всё-таки взяла и сказала:

— Могу, дядя Саня. Обязательно сварю!

Валенка даже рот от удивления раскрыл и смотрит на меня во все глаза, а я сразу:

— Только, дядя Саня, чтобы Валенка мне не мешал.

Я взяла у дяди Сани грибы. Я хорошо помнила, что

мама грибы сначала в воду кладет, и я решила так же сделать. Налила воды в нашу большую кастрюлю и ссыпала туда все грибы. Дядя Саня смотрит на меня и ничего не говорит, а я делаю вид, что распрекрасно знаю, как дальше действовать. А сама, по правде, больше ничегошеньки вспомнить не могу.

Но я уже кое-что придумала. Только мы позавтракали и дядя Саня с Валенкой ушли за водой, я схватила книгу про здоровую и вкусную пищу и разыскала в ней место, где говорится, как готовить грибы. Там было много разного написано, но мне казалось, что ничего особенно трудного в том, чтоб сварить грибной суп, нету и что я смогу это сделать.

Я положила перед собой книгу и уже хотела взяться за ножик, чтобы чистить грибы, но как раз вернулись дядя Саня и Валенка, и мне пришлось спрятать книгу и сделать вид, что я за обед еще не принималась. Дядя Саня с Валенкой принесли сразу три ведра воды. Я взглянула на Валенку. Майка у него такая грязная, смотреть страшно. Я вздохнула и говорю:

— Неужели ты и папу в таком виде будешь встречать? Хоть бы та тетенька пришла.

Но дядя Саня тут даже рассердился.

— Вам, насколько мне известно, вместе скоро двадцать два года будет, — сказал он, — а вы себе рубашки выстирать не можете.

— Почему же не можем? Я могу, — заявляет Валенка, — только я, дядя Саня, не люблю стирать.

— А пробовал когда-нибудь?

— И не пробовал. Вот интерес!

— А маме твоей, думаешь, твои рубашки стирать очень интересно?..

Валенка пожал плечами:

— Не знаю.

А я сказала:

— Валенка, давай постираем. Вот мама приедет — удивится. А грибы я еще сто раз успею сварить.

Валенке моя идея сразу понравилась.

— Ага, давай, — говорит, — всё, всё выстираем, и высушим, и выгладим. Мама подумает, что это кто-нибудь, а это мы сами.

— Всё не обязательно, — сказал дядя Саня. — Всё вам не потянуть. Но свое даже необходимо. Это будет по справедливости.

Тут мы поскорей вытащили из корзины трусики и рубашки, Валенкины майки и мои сарафаны и положили их мокнуть в ванночку. Я еще туда и папину бобочку с короткими рукавами кинула.

Валенка уже керогаз разжигает. Он за эти дни прекрасно научился его разжигать. А я сходила к бабе Нике и взяла у нее стиральную доску.

Только мы с Валенкой собрались приняться за работу, как один за другим приходят все наши ребята. Они позавтракали и явились к нам, как вчера обещали.

— Дядя Саня, про какую вы вчера игру говорили? Очень бы хотелось во что-нибудь новое поиграть, — говорят обе Чики.

— Верно, а то всё одно и то же — скука, — соглашается Нолька.

Дядя Саня посмотрел на них и говорит:

— А вот про какую игру я говорил... Но только кто из вас тут пионеры?

Все закричали: «Я!.. Я!.. Я!.. И я!..» Одна Зина Чик не закричала, потому что она только во второй класс перешла.

— Вот так здóрово! — говорит дядя Саня. — Выходит, тут у вас целый отряд. Никогда не думал. Я утром по вашей территории ходил, так боялся, что ноги себе переломаю. Чего только не валяется вокруг ваших домиков. Можно подумать — штормом корабль разнесло и к вам сюда закинуло.

— Тут никто не убирает. У комендантши вон сколько дач, — объяснил Нолька.

— И вы, значит, тоже?

Мы молчим и думаем, что и правда, почему это нам никогда и в голову не приходило самим свою территорию прибрать?

— А ну-ка, — скомандовал дядя Саня. — Немедленно достать грабли, метлу! Такую чистоту навести, чтобы всем кругом завидно было. Мусор весь соберем в кучу и сожжем.

— Опять картошку будем жарить? — спрашивает Лина Чик.

— Нет. На этот раз без картошки, — отвечает дядя Саня. — Ну и насчет починки забора с кем-то мы вчера тут говорили...

— Со мной, — отозвался Борька Скутальковский, — только вот инструменты...

Тут сразу Валенка:

— Пила у комендантши есть, я видел. Топор баба Ника даст, а гвоздей в шалаше из досок можно надергать.

— Ладно, без тебя знаю, — бросил ему Борька и ушел.

Дядя Саня спрашивает:

— Ну, товарищи пионеры, кто из вас про Тимура читал?

Вот это, действительно, был вопрос! Кто же не читал?!

— Так, а кто в этой книге что-нибудь понял?

Смешно! Чего же в ней не понять?!

— Ну, так вот что, — говорит дядя Саня. — На словах-то вы всё поняли, а на деле иначе выходит... У ваших друзей уехала мать. Отец их должен работать, а кто из вас им по-товарищески чем помог? Посмотрите на этот пол. Что это такое?

Все посмотрели на наш пол. И правда, он был таким, будто его год не мыли.

— Знаете, как на корабле палубу драют? — спрашивает дядя Саня.

— Я читал! — кричит Валенка. — Капитан придет, сни-

мет фуражку и пустит ее белым чехлом по палубе. Если фуражка чистой будет, значит матросы хорошо палубу вымыли.

— Правильно, — кивнул дядя Саня. — Вот и давайте по-флотски. Сперва пол, как там говорят, скатаем водой, потом подраим как следует. Затем опять скатаем и еще подраим, а потом начисто окатим водой и вытрем.

— Идет, идет! — обрадовался Нолька. — Я сейчас швабру принесу.

И скоро работа закипела, будто началась интересная игра — кто свое дело скорей и лучше сделает. Мы с Танечкой вовсю стираем, стараемся. Обе Чики территорию убирают, не могут понять, откуда на ней столько разного железного лома взялось. А это кругом части от керосиновоза «ВН-11», знаменитой мухогонялки и других конструкций наших дачных изобретателей валяются. Дядя Саня то нам с Таней придет поможет, то к забору пойдет, где Борька Скутальковский стучит, доски приколачивает. Потом в дом ушел. Там Валенка с Нолькой полы по-морскому мыли и песни пели, и дядя Саня с ними тоже про «Варяга» распевать принялся. Бум носится, лает — наверное, не может понять, почему это все вдруг делом занялись.

Скоро дядя Саня на крылечко вышел. Поставил ведро, сложил ладони рупором и кричит:

— Внимание! Кто отличится, будет отмечен приказом по дачному городку!

Мы стараемся, как можем, и вдруг приходит Люсик. Руки за спиной держит и спрашивает:

— Что это с вами, что делаете?

Я говорю:

— Не видишь — работаем...

— Вижу.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Да так, — говорит Люсик. — Я видел, как у вас вчера

вечером костер горел, и слышал, как вы про картошку пели. Я через забор смотрел.

— Чего же не пришел?

— Мама с бабушкой не пустили.

— Боялись, что растаешь, как снегурочка?

Люсик надулся и ничего не ответил, но тут его заметил дядя Саня, подошел и спрашивает:

— Ты откуда такой? Почему не работаешь?

— Я на даче живу, — объясняет Люсик.

Тут откуда ни возьмись и Валенка:

— Это, дядя Саня, — соседский. Из него мама бойскаута готовит.

— Какого тебе еще бойскаута, чего ты? — обиделся Люсик. Он опустил голову и к дяде Сане:

— Дядя, можно и я буду что-нибудь делать?

— Почему же нельзя, — говорит дядя Саня. — Ну вот, для начала, принеси нам воды. Только не старайся тащить полное ведро. Сколько можешь, столько и неси.

Люсик очень обрадовался, схватил ведро и бегом на своих толстых ногах к колодцу. К тому времени, по папиному требованию, колонку уже починили и Люсику далеко за водой ходить не пришлось. Но всё-таки целая история вышла.

Только Люсик вернулся с водой, а тут откуда ни возьмись его мама. Увидела его с ведром, да еще с обмоченной рубашкой, — это он, когда ведро снимал, облился, — и в крик:

— Смотрите, боже мой, ребенок весь мокрый! Он мог в колодец упасть! — Кинулась к Люсику и давай отбирать у него ведро. А Люсик не отдает, да еще как заорет. Такой шум поднялся. На крик дядя Саня вышел.

— Скажите, это вы, гражданин, слабого ребенка эксплуатируете? Это вы заставляете его такую тяжесть таскать?! — накинулась на дядю Саню мама Люсика.

Дядя Саня забрал у Люсика ведро, удивился и сказал:

— Какая же это тяжесть для такого мальчика? Тут и половины ведра нету. И эксплуатации нет. Ваш сын сам захотел помочь своим товарищам. Не вижу тут ничего плохого.

Но мама Люсика как закричит:

— Этого еще недоставало! Я ночей не сплю, слежу за здоровьем ребенка, а тут его надрываться заставляют! Он воспаление легких получить может!

Дядя Саня хоть был находчивый, а тут растерялся и не знает, что ему сказать. На крик мамы Люсика сбежались все наши ребята. Дела свои побросали и кто с граблями пришел, кто со шваброй, а Борька Скутальковский с топором.

— Ну что ж, забирайте домой вашего Люсю, раз он такой слабый, — говорит дядя Саня. — Мы его силой ничего не заставляли делать. Видите, все тут работают и еще никто не заболел и не надорвался.

Но Люсик вдруг сам выхватил у дяди Сани ведро и заорал громко, как мог:

— Ничего я не слабый! Ничего я не надорвусь! Не хочу один дома сидеть! Хочу со всеми работать!

— Люсик, оставь это грязное ведро, сейчас же иди домой! — кричит его мама.

— Никуда не пойду! — орет Люсик.

— Люсик, я скажу папе!

— Говори, кому хочешь, — не пойду! Буду со всеми.

Люсина мама тоже растерялась. Она покричала, покричала и ушла, хлопнув починенной Борькой калиткой.

— Ну погоди, негодный мальчишка!

А Люсик сразу же перестал выть, вытер рукавом слезы и спросил, куда нужно нести воду.

Он так и остался с нами и очень даже хорошо помогал и мне и другим и до самого обеда не уходил домой, хотя каждые пять минут из-за забора слышался голос его бабушки:

— Люсик, иди домой! Не доводи маму до отчаяния... Люсик, что ты там делаешь? Мама нервничает!

Но Люсик не отвечал, сердито пыхтел и продолжал делать свое.

КОНЕЦ ВСЕЙ ИСТОРИИ

Часам к двенадцати мы уже покончили со стиркой. Танечка помогла мне почистить грибы, а потом я села на «Орленка» и поехала на рынок за кореньями для супа. Возвращаюсь и нахожу на столе записку:

«Товарищи!

Мне нужно было срочно уехать в город. Опаздывал, поэтому не мог ни с кем попрощаться.

Надеюсь, справитесь сами!

С приветом, дядя Саня».

Я очень огорчилась. Вот так штука! Кто же у нас работу принимать будет? Но потом подумала: «Разве мы это для дяди Сани стараемся? Мы же для себя». И я стала продолжать свое дело. Хоть мне и очень было жаль, что дядя Саня уехал, но ведь что поделаешь. Валенку надо кормить, а вечером приедет папа. Я опять взяла книгу, перечитала в ней всё, и стала торопиться с обедом. И, представьте себе, всё у меня вышло, и даже вкусно. Я еще и картошки с колбасой нажарила. Потом мы с Танечкой разогрели утюг и стали гладить белье, которое за это время уже успело высохнуть на солнце. Уж очень мне хотелось, чтобы к мами-

ному приезду мы с Валенкой были такими же чистыми, какими стали пол и кухонная посуда.

Можно было уже и обедать, но тут, как назло, куда-то запропастился Валенка. Я его звала, но он не откликался. А ведь от керогаза не уйдешь. Я уже хотела загасить огонь и бежать искать Валенку, как слышу — весело залаял Бум и пулей из дому. Мы с Танечкой выбежали на веранду. Смотрю... Что бы вы думали?! За нашей калиткой остановилось зеленое такси «Волга», а из него выходит наша мама и за ней папа. Я как кинулась к маме! Чуть с ног ее не сбила. А папа смотрит на нас и улыбается. Наверное, рад, что мама приехала.

— Где же Валенка? — спрашивает мама. — Ну, как вы тут одни, бедненькие?

Пошли в дом. Папа посмотрел на пол и глазам не верит. Потом видит стопку чистого белья.

— Ага, — говорит, — значит вам уже постирали.

— Ага, — киваю я, — постирали. Только не нам, а мы сами. — И поскорей рассказываю, как приехал дядя Саня и как мы с ним всё сделали.

— Да где же Валенка? — беспокоится мама.

— Не бойся, — говорю. — Где-нибудь с Нолькой по территории гоняет. А я вас сейчас буду кормить обедом. У нас всё готово.

— Здóрово, — обрадовался папа. — Это кто же тебе помогал, баба Ника или тоже Саня?

— Нет, — объясняю я. — Дядя Саня уехал, а баба Ника

не помогала. Это я всё по твоей научной книге приготовила.

И вдруг — здравствуйте вам! Приходит дядя Саня. Он, оказывается, никуда не уезжал, а ходил в гости к той самой писательнице, которая живет на Озерной улице. Дядя Саня нас одних нарочно оставил, хотел посмотреть, что у нас без него получится. Но, что мама приедет, этого он не знал и очень ей обрадовался. Мама мне говорит:

— Я вам подарки привезла. Тебе куклу — Иренку. Она из губчатой резины и как угодно стоять и сидеть может, а Валенке водяной пистолет. Но где же он носится?

И тут являются Валенка вместе с Нолькой и тащат какую-то скамейку. Валенка, как увидел маму, бросил скамейку — Нолька еле на ногах удержался — и бегом к ней. Обнял — и хвать пистолет. Папа поздоровался с Валенкой и Нолькой и спрашивает:

— А это что у вас за новое сооружение? Опять какая-нибудь антилопа на колесах?

Но те говорят:

— Нет. Это не антилопа, а самая простая скамейка. Мы ее целый день сколачивали. Это для колонки, чтобы ведро ставить и не обливаться, когда воду набираешь.

Папа осмотрел скамейку. Дядя Саня постучал по ней кулаком.

— Неплохо... Кажется, прочно, и главное, всем нужно.

Валенка и Нолька гордые стоят. А я говорю:

— Давайте обедать. Я уже всем по две тарелки поставила. Я теперь, мама, могу не только уроки делать и в куклы играть, но и тебе помогать, а ты можешь идти работать и за нас не бояться.

— Ага, — кивает Валенка. — И я теперь умею что хочешь сам делать.

Папа пожал дяде Сане руку и сказал:

— Спасибо тебе, что всё так организовал.

Но дядя Саня не согласился.

— Нет, — говорит он. — Они это всё сами давно собира-

лись сделать, да у них никак времени не было. А тут я приехал и только наблюдал. А вообще-то это уже вполне серьезные и надежные люди, на которых можно положиться, — и Валенка, и Шурик, и их товарищи, и этот толстяк — как его — Галик?

— Нет, Люсик, — говорим.

— Ну, всё равно, пусть Люсик. Все хорошие ребята, только они раньше прикидывались, что ничего не умеют делать, а на самом деле еще как!..

Вот и вся история про то, как мы десять дней одни втроем жили.

Вечером, когда я ложилась спать, сперва, как закрою глаза, мне всё грибы, грибы виделись. Сотни, прямо тысячи... А потом прошло. Я лежала и думала, что мы и правда куда взрослей сделались. Я подвинула поближе к себе куклу Иренку и посмотрела в Валенкину сторону. «Наверное, он про то же думает», — решила я. Но он уже спал и, как всегда, свистел носом, а его новенький пистолет валялся на полу возле кровати.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аркадий Миронович Минчковский
„Десять дней одни втроем“

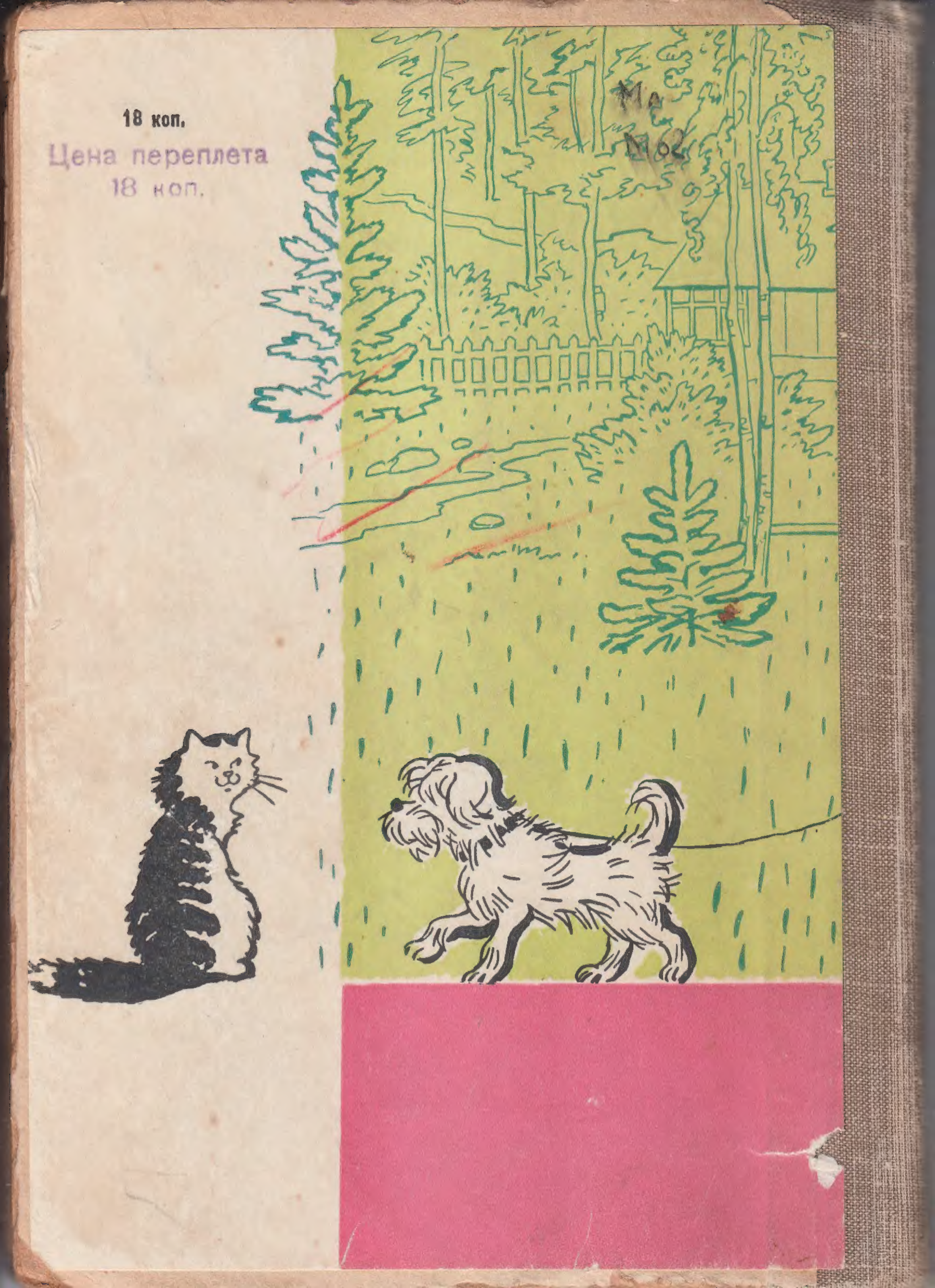
Редактор Л. А. Плотникова
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Н. Г. Оношко
Корректор И. Е. Блиндер

Сдано в набор 17/VIII 1960 г. Подписано к печати 13/I 1961 г.
Формат бумаги 60×84 $^{1}/_{16}$. Физ. печ. л. 7,0 Усл. печ. л. 7,0
Уч.-изд. л. 5,17 Тираж 65000 экз. Заказ № 1237

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография им. Володарского Лениздата. Фонтанка, 57

Цена 18 коп.

Дорогие ребята!
Пишите, понравилась ли
вам эта книжка.
Наш адрес: Ленинград,
Торговый пер., 3.
Лениздат.

18 коп.
Цена переплета
18 коп.